Подсадной

Автор:
Андрей Кивинов

Подсадной

Андрей Владимирович Кивинов

У несостоявшегося актера Николая необычное хобби – он блестяще играет роли хулиганов, бандитов, мошенников – но только не на театральных подмостках, а… в реальной жизни. И помогает раскрывать преступления. Странное увлечение наполняет его будни опасными приключениями и сильными эмоциями. Однако искусство перевоплощения, в свою очередь, играет с ним злую шутку, и он уже сам не может разобраться – где внедрение, а где жизнь.

Андрей Кивинов

Подсадной

Автор гарантирует, что все события и персонажи, кроме исторических, вымышлены. В тексте отсутствуют матерные слова и обороты. Употребление некоторыми персонажами алкогольных напитков и табака не является пропагандой пьянства и курения. Это средство для обогащения художественных образов.

ПРОЛОГ

2007 год. Санкт-Петербург

Чудное июньское утро. Не утро, а свежая клубника со сливками. Дома-шоколадки, девушки-конфетки, мостовая-пастила. Сладкая вата в небе, воздух-мята. Птички-изюминки. Легкий городской шум, словно шипение шампанского, солнечная музыка из раскрытого окна. Петербург! Хочется замереть, любоваться и слушать…

Замираем, любуемся, слушаем. Мгновение – стоять!

Но тут…

– Мама, мама, смотри, дядя зажигает! Жесть!

Петербуржец. Сын великого города. Средних лет, среднего роста и средней тучности. Скучная курточка, унылая футболка и совсем уж безрадостные джинсы, с рождения не знакомые со стиральным порошком. Скобки-усы, слипшиеся местами патлы, «Петр I» в зубах… Рабочий класс без трудового крестьянства.

Закатив глаза к голубым небесам, петербуржец, не таясь, блаженно мочится под стену дома-шоколадки. Среди бела дня, вернее, утра. На глазах у остолбеневших девушек-конфеток и кружащих птичек-изюминок. Даже не прикрывая стыдливо торпеду. Гордо эдак, с улыбочкой, словно художник, создающий мировой шедевр. Слегка покачиваясь, но удерживая шаткое равновесие. Смотрите, завидуйте – какой напор, какая сила! Журчит и пенится ядреная струя… Что естественно, то не постыдно, как говорил великий муж Сенека, отправляясь в древнеримский сортир.

И ладно бы этот наглец справлял нужду только у девушек на глазах – барышни похихикают и поцокают каблучками дальше, украдкой оглядываясь на торпеду. Другие горожане в основной массе притворятся, что ничего не видят. Но игнорировать представителей власти?! Да еще катящих по улице на служебной машине марки «козел» характерной раскраски, с голубыми номерами и синей лампочкой на крыше?!.. Это, извините, ни в какие ворота!.. Согласны, здесь не Невский, не Дворцовая площадь, но все-таки центр – мостовая обновлена мраморной плиткой, кусты подстрижены, стены домов подкрашены (по крайней мере снаружи). И все исключительно для того, чтобы западные люди оценили красоту великого города и рассказали о ней всему остальному цивилизованному миру. Да и соотечественники благодарили бы власти за заботу о внешнем

облике культурнейшей из столиц.

А тут какой-то, прости Господи, пьяный подонок подмывает в прямом смысле слова городской авторитет. Хоть бы на газон отошел, так нет – прямо на мрамор! Беги, беги, ручеек, через запад на восток… Достопримечательность. Памятник писающему пролетариату.

Визг тормозов, скрип дверей, сверкающие на солнце кокарды. Солидные сержантские погоны. Тяжесть могучей руки на плече.

– Ты, чё, свинья, творишь?! До дома мочу не донести?!..

Трудящийся оборачивается, но свинства не прекращает. Лицо гармонично недоразвитой личности. Душа и тело в полете. Выхлоп. Радиус поражения – один метр. Не «Баккарди» и даже не «Шабли».

– Представьтесь и доложите по форме. – Язык петербуржца заплетается в меру, слова разобрать можно без труда. – Согласно уставу. Фамилиё, звание, должность.

– Ч-е-е-го?! Я тебе сейчас, засранец, представлюсь!.. До могилы не забудешь!

Рука тянется за дубинкой, вторая хватает пакостника за грязный воротник курточки.

Сержантов двое. Оба дюжие, краснoликие. Процедура представления не должна вызвать проблем. Однако вызывает. Трудящийся не планирует сдаваться и оказывает властям максимально активное сопротивление. При этом не потрудившись спрятать в джинсы торпеду:

– По какому, блин, пра-праву?.. Может, у мя почки больные! Адвока… Ах! Ой! Больно!

– Серега, он тебе боты обоссал!

– Убью козла!..

Сержант сказал, сержант ответил. Публика в основной массе нарушением прав не возмущается. «Правильно, ребята, дайте этому засранцу еще! Совсем пьянь обнаглела, мало им лифтов и помоек, уже до исторического центра добрались!» Но затесавшиеся в ряды правозащитники вяло протестуют: «Минуточку. Установить виновность может только суд. А пока будьте любезны. Обращайтесь с человеком по-человечески. Цивилизованно. Мы не дикари, дикари не мы».

И художник, услышав слова поддержки, вновь вдохновляется. Вырывается из цепких милицейских объятий, зажимая разбитый нос. О, да он погон сержантский сорвал, кепочку с кокардой сбил, по лицу менту стукнул. Талант!

По почкам, по почкам его! И раком! Пусть харей мостовую подтирает. Не для того ее бедные таджики выкладывали.

– Серега, держи его, я дверь открою!

– Держу.

Затолкать поддатого люмпена, который вздумал орать и брыкаться, в узкую заднюю дверь «козлика» дело не простое. Как кубик Рубика собрать. Ногу засунешь – рука вылезет. Тут одной дубинки мало. И даже двух. Хорошо, есть опыт – сын ошибок пьяных. И специальные средства – «слезоточивые наручники». Заламываем руки, заламываем ноги. Трудящийся плюется и пытается укусить. Видать, не любит пользоваться казенным транспортом.

Слышен треск рвущейся куртки.

– Я в суд подам! Мусора легавые! За что?!

– За родину!!!

– Кошелек верни, сволочь!

Площадь багажного отсека невелика. Два посадочных места, как в СВ, только сидячих. Одно уже занято.

– Ну-ка подвинься, приятель, – попутчика разместим!

Разместили. Бегло обыскав и израсходовав весь нецензурный запас. И не таких размещали.

Поворот ключа-ручки. «Комфортной поездки. К вашим услугам дырочка-окошко и приятный гид-собеседник. База рядом, но поедем долго – пробки. Отдыхайте, любуйтесь видами».

Кстати, о собеседнике. Он тоже в браслетах, стало быть – друг, ибо враг моего врага. Хотя и трезвый.

Но взволнован не меньше. Наверное, опасается, что в мочевом пузыре попутчика еще остался запас, и тот продолжит грубо прерванное органами мокрое дело.

Трудящийся матерно укоряет правоохранников, угрожает судебным иском и колотит пьяной головой в дверь, разбрызгивая кровь из пострадавшего в битве носа. Капли попадают на соседа, тот брезгливо морщится. Сержанты в диспут не встревают, но между собой перекидываются репликами о незавидной участи задержанного хулигана:

– Пятнадцать суток, козлу, как с куста.

– Да какие сутки? Статья за неповиновение в одну калитку… Он мне в глаз заехал. Куча навозная… Лично к прокурору пойду!

– Да никто его не приземлит. Демократия. Лучше сами отрихтуем за гаражом.

Рихтовать, к слову, уже начали – перед ямками не притормаживают, и задний отсек авто напоминает центрифугу советской стиральной машины. Через пару минут задержанный успокаивается, перестает биться и обращает взор на товарища по несчастью. Внимательно и с подозрением смотрит прямо в глаза:

– Видал, чё творят? Подумаешь, отлил немного… Ну приспичило, не в штаны же! Парадняки все на замках, а до дома семь верст… Чтоб им так же терпеть… Тебя тоже по беспределу?

– Тоже.

– Такая жизнь, брат.

Кровь стекает по усам и капает на железный пол, словно вода из плохо завернутого крана (группа третья, резус положительный). Еще пять минут едут молча, трясясь и слушая скучные ментовские переговоры по рации. Первый пассажир, судя по выражению лица, не просто слушает, а о чем-то сосредоточенно раздумывает, иногда поглядывая на вновь прибывшего. Словно хочет попросить денег взаймы, но стесняется.

Вновь прибывший выглядывает в окошко:

– А где это мы? В центре, что ли? Во, блин… А чего я тут делаю? Ленка убьет… Я ей сказал, на пять минут выскочу… К Сереге… Полный сикейрос!..

На лице траур, словно на гильотину везут. Кровь смешивается с соплями.

– Беда, ой, беда… И выпили-то вроде, как всегда. А Серега ждет, наверное.

Человек в наручниках не отвечает. Мелкий хулиган роняет голову на грудь и страдает, негромко бормоча непристойности, словно верующий молитву. Попутчик, в свою очередь, выглядывает в окошко и тоже начинает страдать, но молча. Расплата близка.

– Слышь, друг. – пострадав, с надеждой шепчет он, – у тебя мобилы нету?

– Что характерно, никогда и не было. На кой она мне?

– Заработать хочешь?

Патлатый тут же оживает. В пьяных глазах пробуждается трезвый интерес. Отвечает тоже шепотом, догадавшись, что базар конфиденциальный:

– Не откажусь. Ленка без получки на порог не пустит. А получка. Нету больше получки. Они не вернут, – кивает на салон «козлика». – А чего надо-то?

– Позвонить кое-кому, когда выпустят.

– Так сам выйди да позвони!

– Не выйти мне пока. Позвонишь – получишь пять штук.

– Оба-на!.. Говно – вопрос! За пять штук баксов хоть Вэвэ в Кремль. В легкую!

– Каких баксов?! Сдурел?! Рублей.

Трудящийся поморщился, словно от родного слова «рубль» пахнуло конским навозом, но все-таки утвердительно кивнул:

– Ладно, валяй. Позвоню.

Пассажир бросает еще один опасливый взгляд в окошечко. Финиш все ближе. Уже виден триколор над зеленой милицейской крышей. Нельзя терять ни секунды.

– Короче, запоминай номер, он простой. – Мужик диктует семизначное число. – Это мобильник. Запомнил?

– Не, нереально. Повтори.

– Тьфу ты! – Он еще раз назвал номер. – Спросишь Пашу. Скажешь, что у меня проблемы.

– Стоп, – резонно перебивает трудящийся, – у кого «меня»?

– У Валеры. Пусть скидывает товар. Срочно. Он знает, о чем базар. Сделаешь?

– Мин-н-нутчку, Валерий. Позвонить не сложно, а как насчет призового фонда? Я плохо понимаю, где смогу получить лавэ. Или мне переведут его на сберкнижку?

– Паша заплатит. Скажи, Валера велел.

– А ежели не заплатит? Я не знаю, что там у вас за варианты, брат, но лишний раз рисковать перед ментовкой не резон. Сам пойми, не мальчик уж. Не, мне не

жалко, все сделаю, но… благодарность вперед.

– Хорошо, хорошо. Забейте «стрелку», Паша принесет деньги, после передашь мои слова. Не ссы, не наколем.

– А чего мне ссать? Я уже. Лишь бы выпустили. Если пятнадцать суток припаяют – извини. Ищи другого почтальона Печкина.

«Козлик» притормаживает, трясется, словно в оргазме, и замирает.

– На выход!

Мелкий хулиган уже не хулиганит. Понимает: чем больше качаешь права, тем дольше будешь париться в застенках. А у хулигана теперь есть благородная и материально выгодная цель. Ради пяти тысяч можно и гордостью поступиться. Покорно проходит в отдел, понурив буйну голову, словно больной на процедуру. Второго арестанта сержанты подхватывают под руки и жестко сопровождают, видимо опасаясь, что он покажет какой-нибудь фокус из арсенала Джеки Чана. В дежурной части его сразу определяют в отдельный кабинет, оборудованный тяжелой дверью с мощными запорами и маленьким окошечком.

– А это что за пельмень? – лениво интересуется дежурный у прибывших коллег, кивая на волосатика с разбитым носом.

– Ссал на улице. Внагляк. Люди ходят, а ему по хер. Болт достал и сливает. Да еще махач устроил, Женьке в челюсть дал. Еле стреножили.

– Ну и на кой он мне здесь нужен с разбитым носом?.. Кровью изойдет, загнется, а мне отвечать!

Опытный дежурный, видимо, уже сталкивался с побочными эффектами демократии и не собирался рисковать погонами из-за всякой швали.

– Андрееич, да ты чего?! – справедливо возмутился получивший в челюсть сержант. – Да ни хрена с ним не случится! А завтра на сутки[1 - На сутки – административный арест на 15 суток.] оформим!

– Мне одного выговорешника хватило. Тоже вот одного с разбитой губой привезли, а он дуба дал. Сколько раз повторять: сначала научитесь бить, а потом бейте.

Трудящийся, уловив настроение офицера, застонал и завалился на скамейку.

– Во, уже загибается.

– Да он придуривается.

– Короче, везите его в травму, пусть освидетельствуют. Битого не возьму.

– Да мы ж только оттуда, Андрееич! Бензин и так на нуле!

– На трамвае везите. Или сами с ним разбирайтесь.

– Ладно.

Сержант приподнял задержанного за воротник куртки, потом рывком поставил на ноги, прислонил к стене и резко зарядил кулаком в подбрюшье:

– В демократических странах власть уважают, пидор.

Мужик закашлялся, согнулся в поясе и эффектно, как в блокбастерах, рухнул на пыльный пол.

– Да не здесь, не здесь! Сдурели?! – справедливо возмутился дежурный. – За гараж тащите! И без последствий. У меня.

Сторонники демократии, не дожидаясь, когда упавший предмет надумает подняться, умеючи подхватили его под руки и поставили на ноги. За гараж так за гараж. Там тихо, уютно, комфортно. Расстреливай – никто не услышит. И никаких формальностей и протоколов. Все для клиента!

Коридор, лестница, крыльцо, двор. Стенд «Их разыскивает милиция», но вместо ориентировок – яркий текст объявления: «Сдаются рекламные площади. Дешево.

Тел. 02».

Едва конвойные оказались за упомянутым гаражом, чью металлическую стену украшали подозрительные вмятины и пятна, задержанный резко вырвался и боднул головой одного из них в грудную клетку:

– Офонарел?! На фига нос разбил, дровосек?! Договорились же – для блезиру!

Голос вполне трезвый, даже серьезный.

Стражи порядка переглядываются, обдумывая услышанную фразу, но смысл все равно ускользает.

– Какого блезиру, пугало?..

Второй добавляет философскую реплику, которую вытерпит не всякая бумага (разве что туалетная).

– А вас чего, не предупредили? – в свою очередь удивляется мелкий хулиган.

Еще один перегляд. Загадка на сообразительность. Ответ найден быстро, как и положено тем, кто охраняет людской покой:

– Зубы заговаривает, козел!.. Да еще бодается! Получи!!!

– А-а-а!!!.. Больно… Не на… Пого…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Коля со школьной скамьи имел тягу к лицедейству. Не страсть, а именно тягу. Возможно, эта склонность генетически передалась ему от бабушки по материнской линии. Когда-то она была ведущей артисткой (да что там – настоящей примой!) в драматической студии при заводском Доме культуры, где возглавляла отдел театрального творчества. И даже выйдя на пенсию, не

оставила любимого увлечения, скрашивавшего серый, как портянка, социалистический быт. Иногда она брала на репетиции внука.

Когда грянула перестройка, студию прикрыли, как не приносившую прибавочной стоимости. Театралы пробовали найти другое помещение, но безуспешно – свободные площади большинства народно-культурных учреждений цинично сдавались под челночную торговлю. В девяностом, когда Коле исполнилось восемнадцать, бабушка умерла, сильно простудившись. Даже в бреду она повторяла реплики из пьесы «Оптимистическая трагедия»…

В Колиной школе тоже была студия, которой руководил учитель истории – страстный театрал и любитель ларечного пива. Правда, ничего грандиозного там не ставили. Так, небольшие отрывки из классических пьес или стихотворно-танцевальные номера к каким-либо праздникам. Под бабушкиным влиянием Коля записался в студию и блистал на школьной сцене, зарабатывая аплодисменты у женской половины и насмешки у мужской – настоящий пацан должен биться на футбольной площадке или на боксерском ринге, а не читать бестолковые стишки и монологи. Правда, когда на ноябрьские праздники он проорал со сцены Маяковского, так, что затряслись стекла в актовом зале, к артисту прониклись уважением.

Родители тоже неоднозначно относились к увлечению сына. С одной стороны, хорошо, что он не болтается бесцельно со сверстниками по подъездам, а занимается делом, а с другой – дело уж больно несерьезное, в жизни не пригодится. Но бабушка мощной грудью встала за защиту внука: «Что значит – не пригодится?! Поступит в театральный, станет актером!»

– Ну и что это за профессия – актер? – возражал отец, всю жизнь пахавший возле заводского станка. – На елках новогодних кривляться да тамадой на свадьбах халтурить.

– Почему на елках?! – возмущалась бабушка. – В театре работать! В кино сниматься!

– В театрах сейчас с голоду ноги протянешь. А в кино все места заняты. Да и не поступить ему без блата.

– Захочет – поступит, – загадочно улыбнулась бабушка, – лишь бы желание было…

Вот с желанием у Коли как раз и возникли проблемы. Мучительно терзали противоречия. Прежде чем тащить документы в приемную комиссию, стоило всё хорошенько обдумать и взвесить. Гены генами, но батя прав: не мужское это дело – по сцене скакать. И как там всё еще сложится? Одно дело, если в звездную обойму попадешь или крутому режиссеру приглянешься. А если не повезет? Тогда так и будешь до пенсии поднос на сцену выносить в захолустном театре. Или в рыжем парике Иванушку-дурака на елках играть. Голливудской внешностью Коля не обладал. Никакой харизмы в облике. На героя-любовника точно не тянул. Скорее на героя-неудачника. А тезис: «нет плохих ролей, есть плохие актеры» – хорош в теории. Взять того же Тома Круза. Говорят, на театральной сцене он ноль круглый, двух слов связать не может, при этом у кинопродюсеров нарасхват. Потому что сладкий красавчик с орлиным профилем. А у Коли шнобель как шнобель. Не орлиный.

К тому же помимо лицедейства существовала еще одна тяга. Тайная. Нечаянно подцепленная в процессе запойного чтения книг и просмотра кинофильмов определенной направленности. Детективно-шпионской. Рациональный Шерлок Холмс с трубкой и скрипкой, свойские парни Жеглов с Шараповым, комиссар Мегрэ, усатый Пуаро, невозмутимые Штирлиц-Исаев и Джеймс Бонд дружно манили влиться в их сыщицко-джентльменскую компанию. И хотя подобная литература была в застойное время страшенным дефицитом, она все же пробилась к неокрепшему морально подростку и оказала на него свое тлетворное влияние. «Собаку Баскервилей» подросток прочел восемьдесят раз, выучил текст до запятой, но все равно перечитывал раз за разом, все глубже погружаясь в Гримпенскую трясину. Даже отечественные героико-показательные сборники типа «Серые шинели» или «Как веревочке ни виться» были настоящим праздником, ради которого не жалко и школу прогулять.

В канцелярских товарах на карманные деньги Коля купил большую лупу и всюду искал отпечатки пальцев. Без дальнейших намерений. Ради искусства. Главное – найти. Пытаясь освоить дедуктивный метод, он в итоге получил «банан» в четверти по математике и взбучку от отца. Руководителю театральной студии он предложил поставить упомянутую «Собаку Баскервилей» или «Пляшущих человечков», но понимания не нашел, дескать, слабая драматургия.

Иногда по вечерам, представляя себя комиссаром Мегрэ, Коля выходил из дома, поднимал воротник, опускал кепочку на глаза и садился случайному прохожему на хвост. Нарабатывал филёрские навыки. И достиг в этом сложном ремесле определенных успехов. В довершение всего он сделал себе картонные «корочки» – удостоверение полицейского. Все было дико серьезно, как у настоящих «профи». Вместо имени – короткий, но звучный псевдоним Ник. Должность – детектив первой категории. Короче, романтизм в запущенной форме.

И даже перейдя в выпускной класс, Коля не исцелился. Наоборот – на уроках вместо того, чтобы зубрить формулы или просто спать, представлял себя секретным агентом, внедренным в шайку разбойников. Верховодила шайкой голубоглазая атаманша, похожая на девчонку из параллельного класса, по которой сохла вся мужская половина старших классов, в том числе и тихий, неприметный Коля. И, разумеется, у «агента под прикрытием» и атаманши случалась большая и светлая любовь. Со счастливым концом. Атаманша под влиянием агента расставалась с позорным промыслом и поступала в педагогический институт. Или шла на ткацкую фабрику. А агент женился на ней и уходил внедряться в очередную жестокую банду.

Про свою тайную страсть Коля поведал только двоим друзьям-приятелям, да и то лишь потому, что те признались в аналогичной страсти первыми. Одноклассник Серега Кошкин по большому секрету рассказал, что планирует отслужить армию и идти в школу КГБ. Ловить шпионов и вражеских резидентов. Настоящее мужское дело. И адреналина хватает, и почетно. И пенсия как у военных.

Правда, Кошкина Коля не считал своим другом, тот был слишком заносчивым и прохиндеистым. Однажды, например, подбил класс прогулять урок немецкого, а сам взял и пришел. В итоге получил пятерку в четверти от растроганной немки, хотя до сих пор не мог выучить немецкого алфавита. А среди учеников ходил слушок, что Сережа ради положительных оценок постукивает классной маме на хулиганистых одноклассников. Но доказать этот факт так и не смогли, а поэтому и не убили.

Вторым, с кем поделился своим секретом «детектив первой категории», был Виталик Обручев, сын соседей по даче. С ним Коля дружил с десяти лет, с тех самых пор, когда родители получили земельный надел в шесть соток и оставляли здесь сына на каникулы под присмотром бабушки. Вместе с

Виталиком они познавали законы бытия, вместе попробовали первую сигаретку и распили первую бутылку «Молдавского розового», купленную в дачной лавке. Виталик тоже ходил с лупой и страдал романтизмом в еще более запущенной, хронической, можно сказать, необратимой стадии. Помимо лупы, он всегда таскал в кармане баночку с сажей, кисточку и липкую ленту. Дабы не просто находить отпечатки пальцев, но и фиксировать их. В другом кармане лежали полиэтиленовый пакетик и пинцет для сбора окурков. Виталику болезнь передалась по наследству – отец служил добру и свету в чине майора милиции, а прадед душил гидру контрреволюции в подвалах Чрезвычайной комиссии.

Однажды, как и Коля, юный детектив задумал заняться слежкой. «Объектом наружного наблюдения» он выбрал соседа по даче – злого пятидесятилетнего мужика, живущего с любимой, но страшной женой. Слежка закончилась позорным провалом. Дачник, захватив тележку с бидоном, отправился за навозом на птицефабрику. Юный детектив сел ему на хвост. И выявил факт грехопадения – объект по пути на фабрику завернул к нелюбимой, но грудастой дачнице. Виталик свернул следом… и тут же был расшифрован – «объект» умел рубить хвосты. Пришлось спасаться бегством и вплавь.

А вечером подлый изменщик заявился к родителям юного сыщика, обвинил в воровстве клубники и потребовал немедленно увезти его в город. Мол, люди видели, как Виталик нагло опустошал чужие грядки. «Людьми» оказалась та самая грудастая дачница, подтвердившая подлый навет.

От незаслуженной кары Виталика спас друг Коляныч, сделавший ему железное алиби. «У меня мы сидели, кино смотрели, бабушка скажет». Бабушка сказала, дачник ушел ни с чем.

Провал не испугал Виталика, он по-прежнему рьяно продолжал детективную практику, собирая окурки, и в итоге принял твердое решение изучать дедуктивный метод в стенах школы милиции. Друга Колю он подбивал составить компанию. И подбил. Коля уже видел себя небритым мужественным детективом с сигаретой в зубах и пистолетом под мышкой в компании длинноногой блондинистой напарницы. «Бонд. Джеймс Бонд». «Ник. Просто Ник».

Но, увы… Сладким мечтам не суждено было сбыться. Подвело здоровье. Сильная близорукость на правый глаз. В милицейском отделе кадров, куда друзья пришли на разведку, естественно, поинтересовались, все ли у них в порядке с физическим и умственным здоровьем. Ведь придется проходить строгую

комиссию. Коля пожаловался на зрение, озвучив количество «минусов».

– Многовато, – посочувствовал кадровик, – тут и комиссию проходить нет смысла. Спасибо за визит, молодой человек, но можем предложить только дружину или комсомольский оперативный отряд, туда берут всех, даже слепых. Ну либо внештатником – повестки разносить. За отгулы.

Коля гордо отказался – Джеймс Бонд, разносящий повестки за отгулы или блуждающий по улицам с красной повязкой на рукаве в сопровождении пенсионерок-активисток, смотрелся бы слишком анекдотично.

Виталик никакими физическими отклонениями не страдал. Как умел, постарался морально поддержать приятеля-неудачника:

– Не переживай, Коляныч. Я устроюсь, а потом и тебя как-нибудь протащу. Безо всяких комиссий.

Коля, конечно, переживал и даже не спал пару ночей. Прощай, лупа, дедукция, поднятый воротник, пистолет под мышкой и напарница. Жизнь жестока и несправедлива.

Оставалось лицедейство. Конкурс в театральный, как всегда, был двузначным, и Коля рассчитывал вылететь уже после первого тура. Особо не расстроился бы, не плакал бы в подушку и не кричал: «Я не мыслю себя без сцены!» В следующем году поступит в какой-нибудь технический вуз и получит нормальную мужскую специальность, например, программиста. Говорят, скоро они будут очень востребованы.

Однако и собеседование, и первый тур благополучно проскочил, с революционным задором прочитав комиссии своего дежурного Маяковского.

Бабушка ничуть не удивилась:

– Я же говорила, поступишь. Главное – верить.

По выражению ее лица Коля понял, что дело не только в вере и Маяковском. Без протекции дело не обошлось. Вспомнил, как однажды бабуля с нежностью

рассказывала про свои теплые отношения с одним из театральных педагогов, основанные не только на любви к искусству. Но бабушка так и не призналась в содействии внуку. Сам, исключительно сам. Зря, что ли, в студии столько занимался?..

В итоге – студенческий билет в кармане, отсрочка от армии и льготный проезд на общественном транспорте. И перспектива выбиться в суперзвезды, конечно.

Но на третьем курсе Коля понял, что с выбором профессии все-таки промахнулся. Рассказы старших товарищей, получивших диплом драматического артиста, но вынужденных торговать на рынке турецкими куртками и китайскими кроссовками, оптимизма не добавляли. Перспектив – ноль целых хрен десятых. Постперестроечный российский кинематограф в муках загибался, по «Ленфильму» бродили бездомные собаки и гулял ветер, а жизнь на театральную копейку – прямая дорога на паперть. Если, конечно, Спилберг не предложит роль в массовке, заскочив случайно в какой-нибудь питерский Дом культуры на новогодний утренник и увидев Колину гениальную игру в образе Санта-Клауса. Или Снегурочки.

Поэтому все чаще и чаще в учебном журнале появлялись недостойные великого артиста оценки, а педагоги намекали на досрочное окончание курса.

Плюс еще одно обстоятельство. Если от бабушки Коля получил театральные гены, то от дедушки – спиртосодержащие. Дедушка, покинувший этот мир на пару лет раньше бабушки, весьма уважительно относился к ликеро-водочной продукции. Именно уважительно, но не болезненно. И не смог пережить, когда в конце восьмидесятых безумный «Горбач» объявил войну всем порядочным людям, введя талоны на алкоголь. Правда, умер дед не своей смертью. Мученически пал в очереди за водкой (за идею!). Штурмуя магазин, застрял в дверном проеме и свалился прямо на пороге с криком: «Куда пре… Своло…»

«Скорую» вызвали только через час, когда в гастрономе закончились все запасы спиртного, и очередь рассосалась. Врач зафиксировал асфиксию от сдавливания грудной клетки, перелом нескольких ребер и ушиб печени. Не рассчитал дед силенок, молодость взяла верх над опытом.

Коля поднял упавшее знамя. Благо нашелся достойный повод. Внутренняя дисгармония, обусловленная ошибочным выбором жизненного пути. Сокурсники

– будущие заслуженные и народные артисты, с которыми он делился своими переживаниями, относились к проблеме с пониманием. Особенно когда угощал Коляныч. Некоторые употребляли еще и для профессионального роста, искренне полагая, что настоящий художник и трезвость несовместимы. Сколько таких примеров в отечественном театре и кино! И не сосчитать. Хочешь достичь вершин – бухай!

Пил Коля на честно заработанные денежные средства, иногда на халяву. Подрабатывал ведущим на свадьбах и юбилеях, подготовив нехитрую программу. Сто баксов за вечер плюс выпивка с закуской. А еще он пристроился в одно желтое криминальное издание – натурщиком. Изображал окровавленных жертв бандитского беспредела. В основном покойников. С ножом в груди (и не только в груди) или огнестрельными ранениями головы. Реже – душегубов со звериным оскалом. Пятьдесят рэ за снимок. Притащил его в журнал бывший партнер по театральной студии. Партнер наловчился изображать повешенных. Снимали в основном в редакционном туалете (кетчуп-кровь легко смывался с кафеля). Печатались снимки, разумеется, как подлинные, якобы с безумным риском добытые из настоящих уголовных дел, глаза жертвам полоской не закрывали. Но через полгода Коля из журнала свалил. Во-первых, стали узнавать на улице – тираж журнала был достаточно высоким («Ой, вас же убили! Ножом в жо…!»). А во-вторых, напарник-висельник как-то после очередной съемки нюхнул паленого кокаина и действительно влез в петлю. То ли не смог выйти из образа, то ли жизнь достала. Коля, хоть и был человеком несуеверным, судьбу искушать не стал.

Артистическая карьера закончилась в «аквариуме» отделения милиции, куда Коля угодил после очередного студенческого капустника. К тому времени он имел с десяток хвостов, несметное количество прогулов и столько же «последних китайских» предупреждений. Руководство института не собиралось дожидаться пьяного падения свежеиспеченного артиста в оркестровую яму на первом же спектакле.

Слава Богу, бабушка не дожила до этого позора. Мама плакала, батя махнул рукой, мол, живи, как знаешь.

Последующие два года Коля жил в казарме Забайкальского военного округа, проходя срочную службу в войсках противовоздушной обороны. Уничтожать ракетами «земля – воздух» вероятного противника, правда, он так и не научился. Отцы-командиры, узнав о театральном прошлом рядового, бросили его

на самый напряженный фронт – организацию досуга личного состава. Поэтому Коля чувствовал себя в полку довольно комфортно, даже всеобщая и обязательная дедовщина обошла его стороной. Прессовать артиста не решались – вдруг звездой станет и припомнит… Правда, доставал особист: «Не желаешь ли конфиденциально дружить, сообщая мне о нарушителях устава и дисциплины? Получишь три дня к отпуску». – «Вы меня вербуете?» – «Именно». – «Не желаю, это противоречит моим нравственно-моральным принципам». – «Два наряда вне очереди».

Отдав Родине почетный долг, Николай вернулся в Питер, хотя его уговаривали остаться прапорщиком при клубе, обещая даже комнату в общежитии. Для акклиматизации и лечения от «фронтового синдрома» он месяц отлеживался на родительской даче, принимая нужные лекарства с повышенным содержанием спирта. По выходным переходил на легкие процедуры, глотая пивко за компанию с приезжавшим отдохнуть Виталиком.

Друг детства все-таки воплотил свою мечту в жизнь. Армия, два с небольшим года в полицейской академии и в итоге – территориальный отдел. Борьба с поднимающим голову бандитизмом и давно вставшей на ноги уличной преступностью. Время было переходное, капитализм наступал широким фронтом, поэтому работы Виталику хватало, а денег – нет. Вместо «сокровищ Агры» и «бриллиантов для диктатуры пролетариата» он успел заработать только нервный тик и первые признаки гастрита. Которые и лечил пивом на даче вместе с другом Колянычем.

Последний, несмотря на жалобы соседа, в глубине души все-таки завидовал ему белой завистью. Как известно, самые сильные впечатления и эмоции человек получает в детстве, когда организм не окреп. Чем и пользуются подлые сочинители книжек, намертво вбивая в нежные детские головы всякую дребедень и чепуху. А дети, повзрослев, страдают.

Алкоголь – это, несомненно, прекрасно, но сам он из дачной колонки не лился. Надо было думать о трудовом устройстве и получении прожиточного минимума. Да и надоело валяться на батином матрасе без дела. Позировать в журналах или веселить пьяных гостей на торжествах он уже не желал, не мальчик. По знакомству устроился на более достойную должность. Экспедитором в строительную фирму. С высшим образованием больше не заморачивался. Армейский плац отбил это желание напрочь. Спустя год пересекся на встрече одноклассников с Серегой Кошкиным. В школу КГБ того не взяли, видимо,

помешали огрехи в биографии родственников или недостаточный уровень патриотизма. Поэтому вместо внешней разведки Серега отправился на внутренний рынок – торговать стеклопакетами, входившими тогда в моду.

Фирма, естественно, принадлежала не ему, а двоюродному дядюшке, но одноклассник планировал со временем накопить денег, опыта, наглости, отпочковаться и открыть собственный торговый дом. Сейчас он уже ездил на личном «Пассате» пятилетней давности, пользовался мобильным телефоном – роскошью, которую позволяли себе только определенные круги, и тихо посмеивался над юношескими шпионскими бреднями. Узнав, что Коля мыкается, развозя по стройкам кирпич и цемент, искренне огорчился:

– Да ты что, Коляныч? Что это за работа? Сколько зеленых у тебя на круг выходит?

Коля ответил честно, и Серега огорчился еще больше:

– Это несерьезно, старина! У нас же свобода, но не равенство и братство. Зря, что ли, наши предки за перестройку кровь на баррикадах проливали?.. Короче, хочешь, пристрою тебя к дяде? Менеджером! Будем вместе стеклопакеты продвигать. Дело перспективное, дядюшка второй офис открывать собирается, люди нужны толковые и надежные. Могу отрекомендовать.

– Отрекомендуй, – почти не раздумывая, согласился Коля, которому действительно надоело целыми днями мотаться в машине по городу, зарабатывая неврозы и прожиточный минимум. Душа уже просила прибавки к жалованью. Тем более что примерно в то время душу посетило прекрасное чувство. А прекрасные чувства, как известно, требуют вложения средств. И чем прекраснее чувство, тем больше вложений. Одними романсами и чтением Маяковского не обойдешься.

Чувство посетило Николая, как это часто и происходит, нежданно-негаданно, подло подкравшись из-за угла. Теплым майским вечером, в сугубо культурном месте. Не в какой-нибудь там пивной, а в уважаемом академическом театре. Бывший сокурсник, с которым Коля наиболее активно посещал капустники и благополучно получивший диплом, пригласил на дебют. Роль Антохе, так звали сокурсника, дали не ахти – «третий слева, в пятом ряду». Но это был дебют. Да еще во всемирно известной постановке!

На молодого актера пришли взглянуть родные и близкие, проводить, так сказать, в большое плавание, а не в последний путь, как мрачно пошутил друг Николая. Среди родных и близких на дебюте толкалась довольно привлекательная особа с простым русским именем Татьяна. Подруга Антохиной жены. Студентка экономического факультета Универа.

После спектакля, как и полагается, состоялся закрытый фуршет в театральном кафе. Цветы, шампанское, комплименты за прекрасную игру. «Никто еще так не играл третьего слева! Браво! Поздравляем! Выпьем за будущую суперстар отечественной сцены!»

Колю же не столько интересовали здравицы в честь дебютанта, сколько правильный профиль стоящей рядом особы. После второго тоста они уже перешли на «ты». Николай, как всякий актер, пусть даже и недоучка, без труда исполнил этюд на тему «Твое первое знакомство», используя богатый арсенал прибауток из репертуара тамады-ведущего. Про свой род деятельности рассказал уклончиво: «Мы с Антоном вместе начинали…» А после фуршета предупредил приятеля, чтобы тот не сболтнул про позорные капустники, если вдруг Татьяна начнет совать симпатичный носик в его благородную, но не очень достойную биографию.

После мероприятия Николай отвез студентку домой на такси, почитал ей Маяковского, после чего в мягкой форме, надавив пальцами на горло, потребовал номера домашнего телефона и пейджера. Разве можно отказать творческому человеку, особенно когда он приглашает в субботу на ужин в кооперативный ресторан? Да еще так здорово читает Маяковского…

Творческий человек держал марку и соответствовал образу романтического героя-любовника. Тем более что влюбился он не понарошку, а, как говорят поэты, наотмашь. В ресторане оставил половину своей экспедиторской зарплаты. Но так и не признался новой знакомой в позорном настоящем. «Так, пробую себя сейчас кое в чем. Пока не хочу говорить, чтоб не сглазить. Очень интересный проект». А поскольку стрела Амура пронзила Колино сердце навылет и виды на студентку он имел серьезные, необходимо было срочно менять свой социально-экономический статус и имидж.

После ресторана, весело болтая о войне на Ближнем Востоке, противопехотных минах и причудах инквизиции, они гуляли по набережной. Возле памятника чижику-пыжику полюбовались беспризорниками, ныряющими в Фонтанку за

мелочью, бросаемую туристами в мутную воду с радужками нефти. Порадовались за фанатов «Зенита», громивших витрины бутиков и переворачивающих дорогие авто. Потом с восторгом смотрели на горящий склад элитной мебели. В общем, получали исключительно положительные эмоции.

Татьяна ухаживания восприняла благосклонно, но не без оглядки. Не спешила таять на малознакомой груди. Она девушка строгих, старомодных нравов. Бабушкино воспитание. И хотя кандидаты на ее сердце толпами ходили возле подъезда, она не спешила с выбором. («Мужчин с вредными привычками, офицеров и лиц с алиментами пр. не бесп.») Цветы и рестораны – это еще не достоинства. Это инвестиции в перспективный проект. Тем не менее Коля входил в первую пятерку претендентов. Человек культурный, интеллигентный, из артистической среды, не гопник синюшный из подворотни. В средствах не стеснен, не жаден. Да и внешность вполне достойная, чем-то на любимого артиста Калягина в молодости похож. И ухаживает вроде бы искренне, с далеко идущими намерениями. Но… Торопиться не надо. Пускай доказывает любовь на деле, трепать языком все горазды. Сказать «да» никогда не поздно. Если любит, подождет. А не дождется, значит – увы… К сожалению, печальный опыт в ее жизни уже присутствовал.

Коммерческое предложение Кошкина Коля принял без раздумий. Менеджер – это звучит гордо. Почти как штандартенфюрер.

Через неделю он уже сидел в подвальном офисе фирмы, снабжающей платежеспособное население импортными стеклопакетами. Фирма действительно активно развивалась, у кошкинского дядюшки имелась «серая» дырка на таможне, что не могло не сказаться на ценовой политике и объемах продаж. В Колины обязанности входило общение с потенциальными и постоянными клиентами. Основная задача – донести до их ущербного сознания мысль о необходимости приобретения стеклопакетов исключительно в данном заведении. Мысль доносилась успешно, актерское мастерство пока не выветрилось. Нагружал клиента новый сотрудник по системе Станиславского. Верили все. Правда, с алкоголем пришлось притормозить, хотя нельзя утверждать, что Коля уже полностью находился под его властью. В запои не уходил, употреблял как большинство нормальных граждан великой страны – когда появлялась возможность. Но дядюшка строго-настрого предупредил – в его фирме нормальным не место. Хочешь бухать – иди в театр. Мало того, он заставил Колю пойти на вечерние курсы менеджеров, чтобы получить хоть какое-то экономическое образование. Фирме нужны грамотные специалисты.

Особого морального удовлетворения новая профессия Коле не приносила, душа по-прежнему просила острой интриги и качественной шпионской романтики. Он, хоть и повзрослел, все еще хотел видеть себя Бондом. Или хотя бы пастором Шлагом. И только прибавка к жалованью немного успокаивала душу. На свой день рождения «Бонд» планировал прикупить «Астон-Мартин». Правда, пока отечественного производства и четырех-пятилетней давности.

Татьяна не слишком огорчилась, узнав об истинном социальном статусе молодого человека. По крайней мере внешне. Да, понимаю, время сейчас такое, творческие люди вынуждены выживать. Раз менеджер, так менеджер. Вполне достойная профессия, популярная. (А может, ей просто параллельно?) Она, мол, сама пока не представляет, чем займется после Универа. Экономисты, конечно, сейчас нужны, но все теплые места заняты, попробуй пробейся без связей.

Ухаживания продолжались, а конкуренты дышали в спину. И чтобы выиграть марафон, одними подарками было уже не обойтись. У соперников тоже подарки. Дорогие подарки. А чем можно покорить сердце прекрасной дамы помимо материальных благ? Только еще большими материальными благами. А если их нет? Тогда подвиг! В ее честь! На крайняк – благородный поступок. Чтобы поняла – вот он, храбрый рыцарь на белом коньке, единственный, готовый на все, даже на совместное проживание с тещей!..

Коляныч лихорадочно искал момент для подвига, прокручивая в воспаленной голове вариант за вариантом (спасение любимой из горящего дома, извлечение из проруби, защита от шайки хулиганов или своры голодных собак, черевички с ноги первой леди страны и т. д. и т. п.). Но проруби на пути любимой женщины, увы, пока не подворачивалось (не сезон!), да и псиной своры тоже…

Татьяна жила-была с матерью и бабушкой в трехкомнатной квартире на Юго-Западе, в спальном районе. Мать преподавала английский в техникуме и подрабатывала репетиторством. С отцом последняя давным-давно развелась по политическим мотивам – тот оставался каменным коммунистом, а мать примкнула к демократам-перестройщикам. Денег на удовольствия и маленькие житейские радости не хватало, поэтому Татьяна совмещала учебу с работой в небольшой галантерейной лавке. Продавала французский парфюм польского происхождения.

Коля мечтал и верил не напрасно. Повод для подвига вскоре представился. Хотя язык не повернется сказать, что был он прекрасен.

Как-то хмурым осенним вечером, когда тяжелые свинцовые тучи задевали телеантенны на крышах хрущевок и силы зла выползали из Гримпенской трясины, мечтая нарушить действующее законодательство, Коляныч пригласил возлюбленную в арабский ресторан «Черный лаваш». Но едва Танюша сделала заказ – мясо безвинно убитого животного, в ее сумочке тревожно зарыдал пейджер.

– Мама просит срочно позвонить. Наверное, что-то случилось.

Мобильника у рыцаря пока не имелось, но он договорился с администратором, заплатив за звонок с городского телефона.

Татьяна вернулась из администраторского кабинета в тяжелом депрессивном настроении и за стол не присела.

– Коля, извини, я поехала.

– Что случилось, Танюш?

– Бабушку ограбили…

– Погоди, погоди. Как ограбили? Она же – бабушка.

Коля, естественно, разволновался и брякнул ерунду. Можно подумать, грабят только мужчин-миллионеров.

– В подъезде. Она со сберкассы шла, пенсию получала. Пенсию отобрали и. – Татьяна замолчала.

– Что?!.

– Серьги вырвали. Прямо по живому.

– Ого!.. Едем. Я с тобой. Не волнуйся…

Коля заплатил за несъеденное мясо, поймал попутную машину, и через полчаса они вбежали в приемный покой низкобюджетной социальной больницы. Мать сидела на лавочке, сжимая в руке мокрый платочек.

– Мама, это Коля. Коля, это мама. Анна Михайловна.

Знакомство с родителями. В уютной семейной обстановке.

– Очень приятно. Что случилось, Анна Михайловна?

– Мама пенсию получала. Я ей говорила: иди днем, пока светло, так нет. А эти от сберкассы, наверное, проследили. Вроде двое их было. Молодых. Один уже в подъезде ждал. Подонки. Когда зашла, сумку вырвали и серьги. Мама минут пятнадцать на полу лежала. Кричала, но никто не вышел. Кое-как поднялась, доковыляла до квартиры, «скорую» вызвала. А я как назло на репетиторстве была.

– Она их запомнила?

– Да какое там. Она же видит плохо, а в подъезде еще и темно. С ног сбили. Ладно бы только сумочку вырвали. Там столько крови. Бедная мамочка.

Анна Михайловна заплакала. Татьяна тоже не удержалась. Коля пытался, как мог, успокоить женщин, но безуспешно. И тогда он стукнул в грудь кулаком и твердо заявил:

– Я найду этих уродов!!!

Эхо от гулкого удара достигло самых дальних палат больницы и даже разбудило от наркоза пациентов на операционных столах.

– Да как вы их найдете, Николай?

– По запаху. Козлиному.

Заверить-то заверил, но как сдержать обещание, не представлял совершенно. Джеймсу Бонду проще, он весь мир спасает. А найти в пятимиллионном

муравейнике обидчиков конкретной старушенции – дело куда более сложное.

– В милицию звонили?

– Нет еще. Медсестра сказала, они телефонограмму в отделение отправят, оттуда уполномоченный приедет. Да толку-то.

– А серьги дорогие?

– Обычные, хоть и золотые. Старенькие. С зелеными камушками. Их бабушка очень любила, они ей от матери достались. Мать с ними всю блокаду проходила и даже на хлеб не сменяла.

Проводив Татьяну домой и еще раз заверив, что подонки не уйдут от возмездия, Коля вернулся домой и принялся составлять план поимки грабителей. Вот он, шанс! Вот она – долгожданная возможность для подвига!.. Все в твоих руках, как поет великая певица А. Варум. Найди их, Коляныч, и брось отрезанные уши к ногам любимой женщины! Ты сможешь! Твоя бритва остра, а рука тверда! Но надо торопиться. Конкуренты тоже попытаются принести уши, а то и бубенцы.

Составление плана, впрочем, закончилось после первого пункта: «Дождаться официальных результатов следствия». Негусто, но для начала сойдет. Лупа, пылившаяся в секретере, никаких идей не подкинула.

Результаты следствия оказались весьма удивительными и нестандартными. Вряд ли Ян Флеминг, автор бондианы, придумал бы подобный сюжетный ход. Да и Конан Дойль тоже. Выслушав в больнице рассказ Таниной бабули, молодой, но опытный уполномоченный задал неожиданный и, главное, дерзкий вопрос – а не упала ли женщина сама? Старенькая ведь, могла оступиться, упасть, потерять сознание, а кошелек и серьги, к примеру, обронить до этого. Однако опер быстро понял абсурдность предположения. Обронить серьги можно разве что с ушами.

После чего последовал вроде бы логичный вопрос – а на сколько лет выглядели преступники?

Последовал такой же логичный ответ:

– Да не разглядела я их, сынок. Наверное, молодые. Взрослый человек разве на такое пойдет?

– А поточнее? К примеру, лет на тринадцать тянут?

– Ну не знаю. Может, и тянут. Нынче акселерация.

Обрадованный ответом молодой человек тут же занес эти важнейшие для следствия показания на мятую бумажку и дал подписаться потерпевшей. Потом пожелал скорейшего выздоровления и умчался брать след.

Через неделю Татьяна посетила отделение милиции, где служил уполномоченный, чтобы узнать, как продвигается расследование. Но тот, позевывая («Простите, не спал трое суток!»), пояснил, что взять след не смог – слишком мало зацепок. А еще через неделю ей пришло уведомление, что в возбуждении уголовного дела по факту случившегося с бабушкой отказано – «ввиду отсутствия состава преступления». Материал сдан в архив. Мол, напавшие лица не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и поэтому преступниками они не являются. Потерпевшая ведь сама указала, что на вид им всего по тринадцать лет.

Добиваться справедливости Татьяна не стала, нервы только напрасно потратишь – зацепок-то действительно никаких.

Бабушка вышла из больницы постаревшей лет на десять. Но Коля помнил о своей благородной клятве и решил идти до победного конца. Обещал – отвечай за рыцарский базар! Ты же герой-любовник, а не чмо сопливое! Вот и доказывай любовь на уголовном деле.

К сожалению, связей в преступном мире он пока не нажил, зато в правоохранительной среде вращался сосед по даче Виталик. Работал он, правда, в другом районе, но какая разница? Может, что-то умное присоветует.

Встретились в пивной «Розовый слон». Угощал, разумеется, Коля. Приятель, выслушав его грустную историю, честно и откровенно признался, что на месте уполномоченного он поступил бы точно так же. Портить показатели отделения для нормального мента – преступная халатность. Увы, таковы суровые реалии, хотите вы этого или нет. И спасти мир иногда действительно куда легче, чем

отыскать сорванные сережки.

Это радовало. Не порча показателей, конечно, а то, что Виталик не врал. Не надувал щек и не строил из себя крутого сыщика.

– А если возле кассы посидеть? – робко предложил Коля. – Они же снова могут кого-нибудь ограбить.

– Мой юный друг, – снисходительно улыбнулся Виталик, уже усвоивший некоторые тонкости сыскного ремесла, – во-первых, таких касс в нашем прекрасном городе на каждой второй улице, во-вторых, мы не знаем вражеских примет, поэтому, кого пасти, неизвестно. И, в-третьих.

Сосед отхлебнул халявного пива, наклонился к Колиному уху и понизил голос:

– В-третьих. Поймать их при таком раскладе можно только одним способом. Если пацанов сдадут. Я не беру в расчет случайные варианты типа явки с повинной. Я тоже поначалу верил во всю эту лабуду – отпечатки пальцев, брошенные окурки, дедукция, аналитика. А теперь никаких иллюзий, никакой дедукции, старина. С окурками пусть Холмс разбирается, над ним не капает. Стук, мой друг, только стук. Пардон. Оперативная информация. Может, и не эффектно, но зато эффективно, как говорят спортивные комментаторы.

– А что, могут сдать? – шепотом спросил Коля.

– А почему нет? Мы ж не знаем, что это за публика. Не поделят табаш или бабенку, к примеру, ну и сдадут друг друга. Хороших друзей нельзя купить, но их можно продать. Помню, женушка одна своего единственного и неповторимого заложила за то, что тот с днем рождения забыл поздравить и презент не подарил. Стала мягко упрекать, а он ей в ухо слева. Цыц, глупая баба!.. Она обиделась и прямиком к нам. И в чем заложила? В «мокрухе» заказной! Оказалось, муженек пару лет назад в команду киллерскую вписался, барыгу крутого под Москвой на трассе положил. Из автомата. Цветной телевизор в награду от бригадира получил. В общем, цепочка потянулась, а в итоге – семь расстрельных приговоров. В том числе и мужу-драчуну, и его «бугру». Жена, конечно, на второй день одумалась, прибежала в слезах, дескать, пошутила я, хочу свои слова обратно взять. А мы не отдали. Слово, как говорится, не пуля – вылетит, не поймаешь… И этих кто-нибудь вломит рано или поздно. Главное –

заява зарегистрирована, материал из архива поднять никогда не поздно.

– И сколько ждать? – задал еще один не очень умный вопрос Николай.

– Непредсказуемо, – развел руками приятель. – Может, и не дождемся.

– Мне надо их найти. Быстрее.

– Понимаю… Бабушка любимой женщины – это святое. – Виталик допил пиво и сделал жест бармену, чтобы тот повторил.

– Если деньги нужны, – вдруг догадался Коля, – не вопрос. Я тут хорошего клиента нашел, шеф премию выписал.

– Обалдел? – обиделся Виталик. – Я у своих не беру. Только у посторонних, и то не за все… Ладно, так и быть, поставлю твой вариант на особый контроль.

– Это как?

– Каждое утро во все отделения слетаются сводки о задержании всякой нечистой силы, как я ее называю. Ограбление пенсионеров – штука нынче характерная, как правило, – серийная. Ты правильно заметил: они стопудово продолжат свое светлое дело. И если кого-нибудь в городе за подобную проделку тормознут, я тут же буду знать. А дальше – работать, работать и еще раз колоть. Хотя они все твердят, что первый раз, но потом оказывается, что сто сорок первый. Глядишь, и про вашу бабулю вспомнят. Серьги наверняка сплавили, но хотя бы моральное удовлетворение получишь.

Коля, конечно, поблагодарил соседа, но до конца ему не поверил. Конечно, зачем Виталику чужие заморочки, у него своих хватает. И он решил попытать счастья самостоятельно. Попросил у Кошкина его «Пассат» с отпечатками женских каблучков на потолке, поднял воротник, надвинул шляпу на темные очки и уселся в день выдачи пенсий в засаду у сберкассы.

Уже через час сидения Коля понял, что его милицейский приятель был прав. Отследить потенциального грабителя оказалось так же сложно, как с первого раза запомнить двадцатизначный шифр секретного замка. С учетом тех

факторов, что пенсионеров было много, праздношатающихся молодых людей еще больше, а Джеймс Бонд на «Пассате» – один. В итоге суперагент, поджав хвост, с позором оставил свой пост. Видно, не судьба! Обидно. Теперь шансы покорить сердце прекрасной дамы сравнялись с шансами стать президентом Венесуэлы.

А Виталий, как ни странно, слово сдержал, не забыл просьбу соседа. Вышел на связь уже через неделю. Часа в два пополудни:

– Есть любопытный вариант, но нужна твоя помощь. Я сейчас в 98-м отделе, это на Юго-Западе, подъезжай. Спросишь, где уголовный розыск, дежурный покажет.

Коля, конечно же, бросил все офисные дела и помчался навстречу приключениям. Татьяне не позвонил – зачем раньше времени обнадеживать.

Виталия он нашел в кабинете, больше похожем на грязную автомастерскую. В прокуренном воздухе витал стойкий аромат бензина. Крохотная комнатушка была завалена сложенными друг на друга колесами и канистрами. На диване громоздились автомагнитолы, бамперы, старые глушители, коробка с инструментами и свинченные номера. Подоконник украшала жигулевская торпеда. Убожество фанерной стены немного скрывал прошлогодний календарь с полуголой барышней, рекламирующей аккумуляторы. Одна из магнитол была подключена к самодельным колонкам и выдавала музыкальный раритет «Джонни, о-е…» На столе стояли здоровенные тиски и разобранный карбюратор. Повесь прайс и – welcome!..

Коля, судивший о милиции исключительно по фильмам, рабочие интерьеры представлял несколько иначе – благородный дуб, черная кожа, тяжелые портьеры, серьезные лица, правильная, строгая речь.

Сосед по даче был не один – хозяин кабинета, короткостриженый парень лет двадцати пяти, что-то эмоционально доказывал по телефону, виртуозно и от души матерясь. Его прикид тоже мало вписывался в киношный образ бойца правопорядка. Вместо двубортного костюма – промасленный комбинезон, вместо начищенных до блеска ботинок – грязные кроссовки из китайской клеенки. Ну точно, автослесарь!..

Виталий указал Коле на табурет, прикрытый рекламной газеткой. Хозяин закончил разговор, швырнул трубку и выдал еще одну порцию матюгов:

– Короче, не приедет эта покрышка рваная! Улик, мол, не хватает! Зараза ленивая! Задницу не оторвать!

По последней реплике Коля понял, что парень разговаривал по телефону с дамой, и яркий эпитет «покрышка рваная» был предназначен именно ей.

Виталик кивнул на вошедшего приятеля:

– Это Николай.

– Очень приятно. Гена. – Хозяин пожал Колину руку и закурил, несмотря на пары бензина, витавшие в кабинете. – Машину не надо починить? Кузов рихтануть или ходовую?..

– Какую машину? – не понял Коля.

– Ну мало ли… Свою, например. У меня ценник гуманный, в городе такого нет. Качество гарантирую.

– Спасибо. У меня нет машины.

– Если вдруг кому понадобится, пусть звонят.

Гена протянул несколько визиток кустарного производства.

«Вяземский Геннадий Юрьевич. Оперуполномоченный уголовного розыска. Кузовные работы и ремонт ходовой, тел.»

«Джонни, о-е…»

– А вам разве можно? – уточнил гость.

– Нельзя. Но мне можно. Мандат есть.

Геннадий Юрьевич кивнул на ксерокопию какого-то рапорта, висящую в рамке на стене. Вроде лицензии.

– Так каких улик ей не хватает? – напомнил про телефонный разговор Виталик.

– Железных, блин… Мол, вещей при нем нет, рожи потерпевшая не видела, предъявлять нечего. Любой адвокат отобьет на раз. Поэтому – работайте. Ищите улики.

– Что, даже по сотке[2 - «По сотке» – задержание по подозрению в преступлении на трое суток (по новому кодексу на двое).] не забьет?

– Нет, конечно. На фига ей заморочки?

Виталик повернулся к Николаю, чтобы пояснить ситуацию:

– В общем, дело такое. В камере боец сидит. Молодой, двадцать лет. Вчера вечером старушенцию бомбанул. Тоже от кассы проводил. Серьги, правда, не рвал, их просто не было. Но сумочку хапнул. Бабка заорала. Повезло – сосед по лестнице спускался, лыжник бывший. Тему просек, на улицу выскочил, видит – боец со двора ноги уносит. Он за ним. Метров через триста нагнал. Тот козел понял, что влип, и сумочку с моста в реку скинул. Лыжник его завалил, по шее надавал, потом в отдел приволок. Бабка заяву написала. Информацию по городу дали.

– А эта покрышка приезжать не хочет! – продолжил опер-слесарь Гена.

– Какая покрышка? – не понял Коля.

– Следователь, – пояснил Виталик. – Понимаешь, мы опера – лица не процессуальные. Наша задача найти гада, поймать, расколоть и передать следователю. Дальше его работа. Обвинение предъявить, улики оформить, дело в суд направить. Ну тебе эти тонкости ни к чему. А следователь приезжать не хочет – улик якобы нет.

– Но парня же поймали.

– Ну и что? Он кричит, что никого не грабил, спокойно шел по улице, на него напал какой-то сумасшедший, избил и притащил в отделение. Никакой сумочки он в глаза не видел. Бабка ни рожи, ни одежды не запомнила, опознать не сможет. Правильно, Ген, при таком варианте ни один следак[3 - «Следак» (жарг.) – следователь.] не возьмется.

– Мы ему капот, конечно, прессанули, – Гена взял со стола тяжелый каталог иномарок и шарахнул им по столу, – да и так беседовали, по-людски. Но боец упертый. Замкнулся. Не зажимать же ему клубни в тиски. А, кстати. – Слесарь бросил озорной взгляд на инструмент: – Нет, нельзя. Права человека. Домой к нему прокатились, ни хрена не нашли. Есть кое-какая бижутерия бабская, но мамаша кричит, это ее.

Гена достал из сейфа пакетик с дамскими украшениями, среди которых было и несколько сережек, протянул его Коле:

– Глянь, может, твоей родственницы есть…

– Да она мне не родственница пока.

Коля разложил бижутерию на столе, но сережек с зелеными камешками не обнаружил.

– Нет. Ничего. А сам-то он кто такой?

– Да обычный урод. В техникуме якобы учится, третий курс. Пока не проверяли. Несудим, на иголке вроде не сидит. Короче, простой малообеспеченный российский студент. Пидараскольников. В общем, мы его уже ночь в камере маринуем. Он адвоката канючит. Если через час не отпустим, будут проблемы. Небольшие, но проблемы. Плохая реклама для мастерской.

– Может, на пятнадцать суток его? Для начала. По хулиганке или за неповиновение, – предложил Вяземскому дачный сосед.

– Не получится, – развел руками Гена, – с судьей у нас стойкая психологическая несовместимость. До фонаря ей наши комбинации. Не оприходует.

Виталий с укоризной посмотрел на Колю:

– А ты говоришь, дедукция, засады. Вот, поймали. А толку?

– Так, а меня-то ты чего позвал?

Виталик с Геной переглянулись, после чего сосед аккуратно пояснил:

– Есть одна идейка. Мы так думаем, бабку твоей Татьяны он же «опустил». Живет в тех краях. Ты, кажется, кричал, что мечтаешь его найти. Так?

– Ну допустим.

– Мечты сбываются. Хорошо бы узнать, сколько за ним подвигов, с кем он бомбит и куда толкает золотишко. Наверняка постоянному клиенту. А узнать это можно только от него. Нам он, как ты понимаешь, не скажет, уже пробовали. А вот тебе.

– Ты предлагаешь поговорить с ним?

– В общем, да. В неофициальной обстановке.

– Это как? – Коля пока так и не понял, чего он него хотят.

Пояснил Гена. По-простому, по-слесарному:

– Надо с ним «по низам» поработать. В камере.

Коля, мало знакомый со слесарным сленгом, предложение Гены перевел следующим образом: надо в камере отбуцкать пойманного по почкам или печени, то есть по низам. Но прежде чем соглашаться, уточнил:

– Чего?

– Я объясню, – опередил Геннадия Дмитриевича Виталий, – понимаешь, Коляныч, с нами он общался, нам самим нельзя. Поэтому сейчас мы. – Сосед выдержал

паузу, обдумывая, как бы потактичней донести мысль. – Фильм «Джентльмены удачи» помнишь? «Мы рисуем вам наколки, надеваем парик и сажаем в камеру. А вы узнаете, где шлем». Классика жанра. Здесь примерно то же самое, только без парика и наколок. Короче, сажаем тебя в «пердильник» под видом задержанного, если, ты, конечно, не против. Вы знакомитесь и доверительно беседуете.

– О чем?! – обалдел Коля, совершенно не готовый к такому повороту.

– Желательно не о театре. Есть масса других тем. Например, пока ты сидел в коридоре, пристегнутый наручниками к батарее, случайно подслушал разговор в нашем кабинете. А мы говорили, что студентик у нас в руках, несколько потерпевших его запомнили, следователь уже летит в отдел, чтобы проводить опознание. Второй вариант – ты опытный вор, хорошо знаешь ментовские методы и мог бы что-нибудь посоветовать. Хотя нет, этот вариант не прокатит, из тебя уголовник, как из меня террорист-смертник. Лучше первый.

– А он поверит?

– Это зависит от твоих актерских способностей. Вас же учили входить в образ. Вот и войди. Включи систему Станиславского. Студент молодой, вдруг купится, хотя они, суки, сейчас грамотные, все методы знают. Нет, ты, конечно, можешь отказаться, дело, как говорится, сугубо добровольное. Но. Вряд ли его поймают во второй раз.

– Ну не знаю… – смутился Коля, – я никогда таким не.

– Ты ничем не рискуешь, – перебил Виталий, – ну не получится так не получится. По уху не ударят. А если и ударят, то рядом дежурный. Спасет.

– Решать надо быстро, – Гена взглянул на стенные часы с выпавшей, висящей на пружине мертвой кукушкой, – мы и так в переборе.

– Если тебя волнует законная сторона вопроса, то ничего противозаконного здесь нет, – заверил сосед, – нормальная проверенная метода. Применяется во всем цивилизованном мире, никто ничего лучшего пока не придумал. А моральная?.. Ты же не ради собственной выгоды. Хочешь помочь любимой женщине. И покарать преступника. Представь, если б он не у бабули серьги

вырвал, а у самой Татьяны. Или у тебя.

Аргументы, конечно, были убедительными, но Коля не спешил с положительным ответом. Подрастерялся слегонца. А кто не растеряется? Это ж… Это ж стукачество в чистом виде. Позор и презрение. Мало ли что весь цивилизованный мир, мало ли что «Джентльмены удачи».

Возмущению нет предела. Пусть этим занимаются те, кому положено. А кому положено? Джеймсу Бонду? Крепкому ореху? Нет, им некогда, они мир спасают… Ну тогда специальным людям. Они же существуют, любой пионер знает, хотя в фильмах их и не показывают.

С другой стороны, позарез нужен подвиг во имя любви. Сам же мечтал. Поклялся при свидетелях, что найдет уродов. Конечно, клятву можно и не сдержать, Татьяна умная девушка, поймет… Но даже не из-за обещания. Есть такое слово – «Love». На что ты готов ради Love? Только языком бла-бла-бла? А представь, как она бросится на шею, когда ты положишь на стол сережки. Как она наконец прошепчет «yes», и проклятые конкуренты сойдут с дистанции, трусливо поджав хвосты. «Вот он, мой настоящий рыцарь! Ник, и никто другой!»

– Ну так что? – поторопил Гена.

– А под каким соусом вы меня туда посадите?

– Под чесночным. Не волнуйся, придумаем. Главное – принципиальное согласие.

«А нельзя, чтобы гипс вместо меня поносил кто-нибудь другой?..» – «Семен Семенович!..»

Нет-нет, невозможно. Что я, Павлик Морозов? А если узнает кто? Или увидит? Руки потом не подадут. Да кто увидит? Это ж всего один раз. Ага – именно когда «раз», тогда и видят.

– Не, мужики. Не для меня это. Не получится.

– Чтобы узнать, получится или нет, надо попробовать, – философски изрек Гена, положив руку на тиски. – Я вот тоже думал, что не смогу тачки чинить. А сейчас

из «Запорожца» «Феррари» сделаю. Прижмет – научишься.

– Так то тачки, а тут…

– А что тут?

– Вроде как стук.

– Мы бы сказали иначе – разведка. Верно, Виталик?

– Абсолютно, – решительно подтвердил сосед. – Глубокое внедрение на основе правильной гражданской позиции.

– Но это же ваша работа!

– Работа наша, а интерес твой.

Виталик скромно умолчал, что свой интерес они тоже имели. Раскрыть серию грабежей оперу так же приятно, как артисту получить «бурные и продолжительные». Ну и к ним кое-какие премиальные.

Коля не знал что ответить. Интерес действительно есть. Желания нет. Да и какому нормальному человеку захочется по собственной воле садиться в «пердильник»? Мазохисту разве что.

«А вдруг это тот самый, который серьги вырвал? Хотел его найти? Вот, почти нашел… Представь, что ты повстречал его не в ментовской камере, а в пивной. Как бы поступил, прежде чем в рожу дать? Познакомился бы, в доверие втерся, все бы разузнал, а только потом бы с левой.

И здесь то же самое. Почти. Разница в том, что после пивной мальчик попал бы в больницу, но не в тюрьму.

– Ну нет так нет. – Виталик встал со стула. – Жаль.

– Может, с ним еще поговорить? – как-то виновато предложил Коля. – Или…

– Пальцы ломать не будем, – перебил слесарь, – хочешь – ломай сам. Тиски есть, молоток дам.

– Нет, не надо…

– Тогда до свидания.

Или рискнуть?.. Попытка не пытка. Не молотком, конечно, по пальцам, а в камеру. Путь к счастью не автобан, он никогда не бывает ровным и широким. Надо пробиваться через ухабы и препятствия. Иногда на тракторе, чтобы потом пересесть на лимузин.

К тому ж он один раз уже парился в милицейских застенках. Когда забрали в студенчестве. Правда, парился без постыдных целей, а просто потому, что напился. И потом с гордостью и в красках рассказывал приятелям об этом примечательном эпизоде своей жизни.

– А вы его посадите, если я. Если соглашусь?

– В зависимости от результата.

«Ладно, рискну… А если кто меня увидит, скажу, опять по пьяни забрали. Никто не заподозрит…»

Не исключено, что на решение отчасти повлияли гены бабушки-театралки. Ведь представляется уникальная возможность сыграть роль, пускай даже и без выхода на сцену.

– Хорошо, давайте. Попробую. Но только. Между нами, мужики.

Прозвучало без энтузиазма и должного гражданского пафоса.

– Само собой. Могила. Ты, главное, сам не трепани где-нибудь. – Гена вылез из-за стола-верстака и прикрыл шторы. Видимо, профессиональная привычка. Потом оценил внешний вид будущего арестанта. – Прикид менять не стоит. Чужие шмотки глаз режут. Короче, запоминай. Про себя лучше ничего не рассказывать, даже если будет спрашивать. Мол, не твоего ума дело. На всякий случай, если

уж совсем приспичит, – шьют тебе мошенничество, якобы ты какой-то тетке вместо компьютера продал металлический корпус с кирпичами, а потом тетка тебя случайно увидела на улице и подняла шум. Такие варианты на самом деле случались. Но ты, естественно, ничего такого не делал, и тебя через три часа отпустят. Когда будут сажать в камеру, протестуй, возмущайся, грозись, что пойдешь в прокуратуру, всех пересажаешь. Ничего сложного. Слушай, а ты правда артист?

– Артист, – вздохнул Коля, – погорелого театра. Окнами торгую.

– Напрямую, в лоб, у него ничего не спрашивай. Типа, за что сидишь и не передать ли кому чего-нибудь на волю. Можно вспугнуть. Главное, донеси до него мысль, что у нас, то есть у ментов проклятых, все на мази, парнишке ловить нечего, и сядет он сто-пудово, поэтому пускай во всем признается, пока не поздно. Ничего конкретного не грузи. Но все должно быть естественно и реалистично. Ну, ты сам знаешь.

Коля, вообще-то, не знал, но последняя реплика была сказана слесарем, видимо, по той же профессиональной привычке.

– Может, глаз свинцом натереть? – предложил опытный Виталик. – Типа, получил синяк при задержании.

– Нет, перебарщивать не стоит, – поморщился Гена. – И не жди, когда он сам с тобой заговорит. Нужна наступательная позиция, времени не так много. Сначала повозмущайся ментовским беспределом, потом попроси об одолжении, например, не может ли он позвонить твоей жене, сказать, что ты влетел. Он что-нибудь да ответит. Дальше по обстановке. А потом плавно перейди к тому, что слышал разговор в коридоре. Особо не рассусоливай, через час я тебя заберу.

– Постараюсь… Хотя таких ролей я еще не играл.

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – подбодрил Виталик. – Помни главное – наше дело правое. А не левое. Это суть. Готов?

– Готов, – неуверенно ответил Коля, до конца так и не решивший, правильно ли он поступает.

– Деньги и ценные вещи оставь здесь. Остальное изымет дежурный перед тем, как посадить тебя в камеру. Потом вернет, конечно. Если не вернет, напомни.

– Галстук снимать?

– Не надо. Дежурный снимет.

Зазвонил телефон. Гена снял трубку:

– Алло. Да, я. Так. А что с ней? Понял. Сделаю в лучшем виде. Двести рублей будет стоить. Запчасти свои. Старик, это очень по-божески, попробуй, найди дешевле. Записывать?.. На следующий вторник только. Раньше никак – очередь. Понял, записываю. Будь здоров!

Камера для особо опасных и безопасных преступников представляла собой замкнутое пространство прямоугольной формы площадью четыре метра в квадрате. С остальным миром каземат связывало круглое дверное оконце дюйма три в диаметре, через которое строгий полицейский глаз периодически мог следить за внутренней обстановкой. Стиль – минимализм. Из мебели присутствовала привинченная к полу широкая резная деревянная скамья, обозначенная в некоторых литературных источниках как шконка. Резная, потому что была изрезана отзывами о посещении заведения. Какими инструментами, непонятно – все колюще-режущее у посетителей отнималось. Наверное, зубами. На шконке могли поместиться сидя – четверо, лежа – один, а стоя – шестеро.

Влажный цементный пол с пессимистическими бурыми разводами повышал у узников уровень холестерина в крови. Серые кирпичные стены слегка освежали жизнеутверждающие нацарапанные лозунги, типа: «Прощайте, товарищи! Умираю за дело революции, но не сдаюсь» и «Смерть троцкистам-провокаторам!». И, конечно, более поздние – «Цой жив!», «Россия для русских», «Бей ментов – спасай Россию», «Вскрытие сейфов, квартир, автомобилей. Сложность любая, 24 ч. Недорого. Тел…», «Продам а/м, не в угоне…». Из чего напрашивался вывод, что камера является историческим памятником и наверняка серьезно охраняется государством. Любой историк смог бы легко защитить докторскую, посидев здесь пару недель, а Эдвард Радзинский написать новый роман.

Ничего больше Коля рассмотреть не успел, не на экскурсию сюда явился, а подвиг совершать во имя любви. Воздушная атмосфера соответствовала интерьеру. Пахло концом девятнадцатого – началом двадцатого века. А местами просто концом. Из освещения – льющая печальный свет лампочка под металлическим глухим абажуром с дырочками – вышедшим из строя дуршлагом. Работа неизвестного декоратора. Одним словом – музей. Не камера, а кунсткамера. А вы что хотели? Стены в бархате и канделябры? А на нарах шелковые подушки?

На упомянутой скамье в ботинках без шнурков возлежал одинокий посетитель музея – благообразный хрупкий юноша, подозреваемый властями в низменных проступках. Открытый, честный, как швейцарский банк, взгляд. Россыпь веселых прыщиков, детский пушок над губой. Наверное, есть и крылья за спиной. Налицо ошибка властей. Ничего аморального юноша с такой ангельской внешностью не мог совершить по определению.

Именно об этом подумал Николай, переступив порог отделенческого каземата. Он, как человек, воспитанный на детективно-шпионском кинематографе, представлял злодея несколько иначе. Звериный оскал, руки в наколках, аршин в плечах, на худой конец – камни в почках. А тут вполне положительный персонаж. Ангел. Белокурый ангел. Если б не низкий потолок, взлетел бы. Хотя, как известно, внешность обманчива. Есть такой мужичок на Западе – Дезмонд Чайлд. Маленький, лысый, еврей, да еще и голубой. И кто бы мог подумать, что он написал большинство хитов для «Скорпионз», «Аэросмит» и десятка других сугубо мужественных, тяжелых команд. Впрочем, сейчас не до музыки.

Само водворение в застенки прошло на редкость правдоподобно и не должно было вызвать никаких подозрений у присутствующих в зрительном зале. Коля весьма натурально возмущался произволом, отказывался вынимать из ботинок шнурки, настойчиво требовал составить опись изъятого и даже обозвал дежурного офицера проходимцем, за что чуть не получил дубинкой от сержанта. Короче, вошел в роль, а роль вошла в него. Сидящий в камере не мог не услышать импровизации. Вяземский, как и обещал, не раскрыл дежурному служебную тайну, поэтому дежурный тоже вел себя вполне естественно.

– Не хер народ дурить, сволочь, – дружески посоветовал капитан, похлопывая дубинкой по гордой Колиной спине. После чего мягко подтолкнул в гостеприимно распахнутую дверь: – Будешь надоедать – свяжу «ласточкой»!

Щелкнул засов. Николай, как уже говорилось, бегло осмотрелся, поморщился от запаха и чихнул. Потом подошел к нарам. («Сбросьте чужие вещи на пол, а придет хозяин, скажите „канай отсюда". Будут бить – стучите»…)

– Подвинься.

Тон уверенного в себе, но огорченного неудачным стечением обстоятельств мошенника. Ангел нехотя опустил ноги со скамьи и занял вертикальное положение. Спокойно, без резких движений. Никаких признаков паники в поведении. Словно не в камере он, а на вокзале поезда дожидается. Точно, версия ошибочная. Ангел он, а не разбойник.

Коля заправил в брюки рубашку, ибо ремня его тоже лишили. (Рыцарь, блин!) После уселся рядом с парнем, продолжая негромко возмущаться милицейским произволом согласно утвержденному плану. Но при этом, помня легенду, довольно заметно волновался. (Впрочем, и без легенды волновался, адреналин лошадиными дозами поступал в кровь.) Вытер пот, принялся вращать большими пальцами. Чувствовалось, что шанс остаться здесь надолго у человека весьма реален.

Минут через пять Коля поднялся со шконки и зашлепал «обесшнуренными» ботинками, меряя ширину камеры.

– За что тебя? – как и предполагал Виталий, поинтересовался Ангел.

– Ни за что! – буркнул «мошенник» и вновь вернулся на скамью. – Бред полный…

Пока роль давалась ему легко. Главное, он перестал мандражировать и сумел взять себя в руки. Теперь переходим к системе Станиславского. Окажись в шкуре героя – и публика тебе поверит. Кто у нас герой? Не Гамлет. Прохиндей, натолкавший в компьютер кирпичей и схваченный за хитрую задницу. И понимающий, что задница теперь не скоро насладится мягкостью домашнего кресла. Но не теряющий надежду выйти сухим.

– Херней занимаются всякой. Баба какая-то сумасшедшая подскочила, в рожу вцепилась, якобы я ее кинул. Компьютер пустой толкнул. Какой компьютер?! Я эту дуру лупоглазую первый раз в жизни вижу! Мало ли что ей почудилось?! Может, она перепила накануне, а утром глюки начались. Прикинь, идешь по

улице, а на тебя пальцем тычут! И самое обидное – ничего никому не докажешь! Они с ней сейчас договорятся, а меня крайним выставят.

Ангел ничего не ответил. То ли его мало интересовали чужие проблемы, то ли. Опыт, несмотря на молодость.

Коля, помня о наступательной позиции, не успокаивался:

– А этот, в комбинезоне, еще грозится. Типа пальцы в тиски засунем, сразу все вспомнишь. Свинья грязная.

– Они могут, – вяло согласился парень, потрогав шею, – тиски у них есть. И не только.

– Что, правда?

– А ты не видел?

– Нет. Меня в коридоре наручниками к батарее прицепили. Типа, сиди, вспоминай. Потом – сюда. Цепь сняли, часы, кольцо. Лопатник отобрали… У меня приятеля одного вот так прихватили и ни хрена не вернули. Жалко, часы хорошие.

Вот это он напрасно. Не должны невинно задержанного человека волновать какие-то цепочки и часы. Его одно волнует – как на свободу выйти. Учтем.

Переходить к основному акту пьесы Коля не торопился, даже помня о дефиците времени. Правильно Гена сказал – тут главное не переборщить. Переход должен быть плавным и логичным. Как в драматургии – одна сцена вытекает из другой. Легко сказать. «Не правда ли, прекрасная погода? Я тут, чисто случайно, услышал, что скоро вам большой пипец…»

Самое прискорбное, Колю постепенно начинала увлекать эта игра. Он уже не так остро переживал по поводу моральной стороны вопроса. Сейчас его посетило что-то вроде спортивного азарта. Не игрока в рулетку или покер, а именно спортивного. Когда результат поединка зависит не столько от удачи, сколько от собственного мастерства.

Скажи ему два часа назад, что он будет сидеть в милицейской камере, да еще в таком качестве. Как прекрасен и непредсказуем этот мир.

Ангел не желал поддерживать разговор. Опять молчит. Это обидно. Обидней, чем спящий зритель в первом ряду. Ставится под сомнение актерский талант. А для творческого человека это самое ужасное. Ладно, как там у Пастернака: «…И тут кончается искусство – и дышат почва и судьба»?

Для начала надо познакомиться. Но тоже плавно:

– Закурить не найдется?

– Отобрали.

– Ах, да.

Актерская игра – это не просто заученный текст произносить. Это целый набор деталей. Как в детском конструкторе. Словно пазлы. Только сложив нужные, получишь результат.

Складывай. Ты – прохвост, неожиданно застуканный жертвой. Тебе светит веселая жизнь. Тебе надо выпутываться. Тебе плевать на проблемы соседа по камере, но его можно использовать.

Коля вновь вскочил со скамьи, сжал кулаки, потом пошарил по карманам, словно за это время в них что-то могло появиться. Опять принялся измерять камеру ногами. Ангел безразлично смотрел на метания «жертвы ошибки».

Десять минут переживаний. «Куда я вписался?! Любовь, однако. Видела б меня сейчас Татьяна».

Зачесались ноги. Насчет животного мира в камере слесарь Вяземский не предупреждал.

– Слушай. Тебя как звать? – Жертва повернулась к Ангелу.

– Рома.

Ангела звали не Ромой. Гена перед «мероприятием» назвал настоящее имя парня. Значит, действительно опытный. Значит, ангельское рыло в пуху. Неужели просек тему?

– Меня Вадик, – тоже соврал Коля. Будем играть по тем же правилам.

Прислушался. За дверьми стучали по доске костяшки. Дежурный с помощником готовились к региональному турниру по нардам. Иногда их отвлекали от тренировки вызовы по радиостанции и телефонные звонки.

– Друг, ты меня не выручишь? Когда выпустят, бабе моей брякни. Просто скажи, что я в ментовке. Эти же не дадут. – Коля кивнул на дверь.

– Если выпустят, – по-прежнему равнодушно ответил Рома.

– А что, могут не выпустить?

– Не знаю.

– Черт!.. Как все некстати. Нарвался на дуру…

Браво! Константин Сергеевич носа не подточит.

Верю! Верю! Реплика сыграна! Да, в словах досада, что так глупо влип, но глаза!.. За дело, за дело тебя сцапали. Виновен, ох как виновен! Повторить! Бис! И результат не заставил себя долго ждать:

– Ладно, давай телефон. Позвоню.

Такой вариант Виталиком тоже предусмотрен. Не свой же домашний номер давать. Есть специальный, к которому никто не подойдет.

Коля продиктовал:

– Запомнишь?

– Запомню.

– Спроси Лену. Скажи, я влетел, она знает, что делать.

Еще один намек, что виновен, что не случайный он здесь человек. А свой, уголовный. Правильный.

А толку с этих намеков? Секунды бегут, костяшки стучат, талант искрится, а интрига провисла. Никакого движения. Зритель храпит или ушел в буфет. Нужен нестандартный ход.

– А белье дают, не знаешь?

– Чего? Какое белье?

– Ну, постельное. Этот, в комбинезоне, сказал, что до утра сидеть придется. Значит, обязаны обеспечить нормальный ночлег. Белье, кормежку… Я ж не по своему желанию здесь. И не по своей вине.

– Белье. – чуть ожил парень и озвучил то, что сокамерник может получить вместо белья. Естественно, слово было антиобщественным и неприличным.

О чем бы еще поговорить? О театре, музыке, о книгах? О наркотиках, наконец? Чтоб хоть чем-то зацепить.

Еще пять напрасно прожитых минут. Пару стеклопакетов продать можно.

– Тебе стеклопакеты, кстати, не нужны? Немецкие, фирма. У меня дырка есть.

Блин, какие стеклопакеты? Опять мимо! Не может человек, которому «улыбнулась» фортуна, думать о стеклопакетах. Но Ангел, кажется, не врубился.

– Нет.

– Тебя-то за что?

Предупреждали, чтоб не спрашивал, но. Предупреждать легко.

Ответит – не ответит?

– За что и тебя. Обознались.

Даже как-то обидно за бесцельно проведенные в институтских стенах годы. Правда, там искусству провокации не учили. Интересно, а где учат? И учат ли вообще? «Объявляется дополнительный прием абитуриентов по специальности стукач-многостаночник. Высокое качество обучения, квалифицированные преподаватели, гарантированная работа после окончания, социальная и физическая защита…»

– Хуже нет, когда так. Самое обидное, что ничего не сделать. Сиди, как дурак, и гадай: посадят – не посадят…

Да, талант, может, и есть, а вот практики пока маловато. Поэтому пора переходить к шоковой терапии:

– Слушай, а это не на тебя старух вешают?..

Юридический термин «вешают» был знаком Коле по тем же детективным кинопроизведениям.

Сработало! Сработало! Зацепился! Ура! Чего я кручусь вокруг да около?! Давно надо было в лоб! По-нашему, по-менеджеровски! А то – стеклопакеты…

Псевдо-Рома насторожился, словно бурундук, почуявший приближение совы. Теперь главное – не вспугнуть.

– На меня… А ты откуда знаешь?

– Слышал, пока в коридоре сидел. Они дверь не прикрыли.

– И что слышал?

– Так, немного. Мол, сомнений у них никаких. Кого-то ждут…

– Кого?!

Искренний интерес в глазах. Неподдельная тревога в голоске. О, сынок, да ты, похоже, душегуб! Пальчики-то затряслись, глазки забегали, мысли засуетились, прыщики покраснели. Запахло баландой.

Осталось придумать, кого они ждут. Чтобы окончательно сломить сопротивление противника и довести его до исповеди.

Блин, да что может быть проще правды?! Проще и надежней?! Только еще более правдивая правда! Почему бы не рубануть? Мочи его, мочи!

– Старух каких-то. Одну с Юго-Запада, вторую не помню. Серьги у нее вырвали. С зелеными камушками. Не брюлики, так – ширпотреб. Она якобы людей запомнила. Обоих. Сейчас приедет узнавать.

Победа! У бурундучка паралич воли. Шерстка дыбом, уши в трубочку. Ногти на руках грызть начал.

– К-как узнавать? Она же… не видела…

– Откуда ты знаешь? Я вот тоже уверен был, что…

Коля недоговорил. Мол, никого я не кидал.

– А что, что еще слышал? – продолжал переживать ангел.

– Да ничего особо больше. Типа, у них все на мази, парнишка сядет стопудово. Так и сказали – сто-пудово. Смешное слово, я запомнил. Да, вот еще: за приятелем твоим поехали. Поэтому и меня сюда заперли. Очереди дожидаться. Блин, а это мои проблемы?! Очередь… У меня бизнес стоит, а я тут в очереди сижу! За свои же налоги! Охерели в атаке! – Коля, как требовала роль, «тревожился» прежде всего о собственной участи: – Сколько они с тобой разбираться будут? Час, два? Неделю?

– Не знаю.

Полудохлая мышь пропищала бы громче.

– Так это все-таки ты?

Ангел утвердительно кивнул головой, но ответил: «Нет». Болгарин, наверное. Держится еще, не сдается.

Теперь успокоиться, не перегибать и довести дело до логического конца. Хотя оно и так доведено. Лично у Коли нет никаких сомнений, что перед ним «тот самый Мюнхаузен». Хорошо бы узнать, куда он серьги дел. А еще лучше вернуть. Татьяна бы обалдела, а конкуренты зашлись в бессильной злобе.

– Да, хреново дело, брат. Ленке моей ты вряд ли позвонишь.

– Сука старая. – прошептал Ангел, хрустнув костяшками.

Коле очень хотелось учинить расправу тут же. Двинуть кулаком по прыщавой роже. Но. Он здесь не за этим.

– Сука – не наука… Я тебе не завидую, брат.

Ангел заскрипел зубами.

– И еще. Этот, в комбинезоне, напарника своего за серьгами послал.

– Куда?!

– Не сказал. Мол, бери тачку и пулей за серьгами…

Конец пьесы. Занавес. Но вместо аплодисментов – свист и топот зала. «Стукач! Мерзавец! Наседка ментовская! Парень, не верь ему!!!..»

Вернувшись в офис, Коля позвонил Виталику:

– Ну как? Признался?

– По полной! – Голос дачного соседа звенел чистой радостью. – Четырнадцать эпизодов! И ваш в том числе! Только из камеры взяли – сразу поплыл! И подельника сдал с потрохами, и про обрез раскололся. Дома лежит, в кладовке! Мы и не знали! Классно ты его загрузил! А говорил, не сможешь! Талант, он и в камере талант!

– А где серьги, сказал?

– В скупку сдали. На Гороховой. Они все золото туда сбывали. Генка помчался изымать. Если их не перепродали, получите обратно.

– Слушай, а можно я их сам Татьяне верну?

– Вообще-то, по закону мы должны возвращать, но для тебя я устрою.

– Спасибо. Да, забыл сказать – он Ромой представлялся.

– Это от стыда, наверное… Но ты его чем-то взял. Убедил в своей, так сказать, честности.

– Стеклопакетами, наверно.

– Пакетами так пакетами. Главное – результат. Благодарю за помощь! С почином!

Виталик, вообще-то, немного слукавил. В принципе, задержанного можно было расколоть и без помощи соседа. Не такой уж он непробиваемый. Просто решили пойти по более надежному пути. И не ошиблись.

Ноги у Ника чесались еще пару дней.

Коле повезло – серьги еще не купили. Опер-сле-сарь Гена, выдавая их напрокат, попросил черканутъ расписку.

– Старик, я не сомневаюсь, что ты наш, но таков порядок. Это вещдок. Вдруг потеряешь.

Николаю резануло ухо слово «наш», но он не возмутился.

– Завтра верни. И предупреди бабулю своей дамы, что ты ей ничего не показывал! Потом будет опознавать официально, с понятыми.

На пороге кабинета-мастерской Вяземский притормозил Колю:

– Слушай. Телефончик не оставишь? На всякий случай. Если снова кого-нибудь прихвачу. Ну, ты понял. Но это только в самом крайнем случае. Обещаю. Поможешь?

Коля не знал, что ответить. Но телефон оставил.

– Если тачку надо починить, подгоняй. Сделаю бесплатно. И без очереди.

Вечером Николай приехал к любимой. Торжественно вручил семейную реликвию. Бабушка, увидев сережки, расплакалась и принялась их гладить одним пальцем, шепча «мамочка». Таня смотрела на Колю, как маленькая девочка на доброго волшебника. С восторгом и удивлением:

– Как ты их нашел?!

– Сказал же, найду. – уклонился от прямого ответа волшебник. – Я многое могу, а для тебя – еще больше.

– А все-таки? Как?

Про внедрение в преступную среду скромный герой, разумеется, не поведал. Ведь под словом «подвиг» подразумевается нечто красивое и благородное, а не камерные блохи на ногах. Пришлось сочинить голливудскую историю про то, как несколько дней подряд сидел в засаде возле кассы, как анализировал ситуацию и вычислил преступников методом дедукции. А, вычислив, позвонил знакомому милиционеру, который взял их с поличным и отправил прямо в тюрьму.

– Здорово. Спасибо, Коля, ты настоящий друг.

Тем же вечером Татьяна дала понять молодому человеку, что у него явное преимущество перед остальными конкурентами, и он может рассчитывать на победу. Теперь он официальный и единственный бойфренд.

Первые дни после произошедшего бойфренд чувствовал себя не совсем уютно. Казалось, что люди на улицах обращают на него внимание, провожают подозрительными взглядами и перешептываются, показывая пальцами. (Так вот ты какая, паранойя!) Прежде чем выйти из квартиры, смотрел в дверной глазок – не прилетела ли весточка от Ромы в виде стоящего на площадке киллера с битой или пистолетом. Кто знает, что рассказал Роме слесарь Гена? А может, ничего не рассказывал, тот сам догадался, с кем на нарах сидел. И попросил дружков-налетчиков объяснить соседу по камере, что тот категорически неправ. Но, тьфу-тьфу, пока в подъезде или подворотне менеджера никто не дожидался.

На всякий случай Коля перезвонил Виталику, узнать судьбу белокурого ангела.

– Дак в тюрьме он! – твердо заверил дачный сосед. – В «Крестах»! Парашу обнимает! А где ж еще? Не на подписке же его за двадцать эпизодов оставлять!.. Не переживай. Выйдет не скоро, лет через семь.

– Виталик… У меня такое чувство… Будто я гранату в детский сад бросил.

– Прекрати! Бабульки, которым ты сохранил пенсии и уши, должны вручить тебе еще одну гранату.

Количество эпизодов увеличилось на шесть, но милицейские показатели Николая не волновали. Несколько ночей его мучила жестокая бессонница, а в редкие минуты забытья снилась камера. Правда, во сне она представала старинной комнатой, украшенной картинами, канделябрами и немецкими стеклопакетами. Они с ангелом Ромой сидели за богато накрытым столом, пили французский коньяк и рассуждали о гражданской позиции. Самое интересное, Рома не упрекал Коляныча, что было совсем уж нелогичным. Потом ангел, расправив перепончатые крылья, доставал из кладовки винтовочный обрез и улетал в окно, оставляя после себя смрадный камерный запах. Но прежде чем скрыться за ватными облаками, Рома обещал, что обязательно вернется. И это обещание всякий раз вызывало у Коли такую мучительную боль в груди, что он

просыпался.

Пришлось посещать психотерапевта, принимавшего пациентов в винно-водочном отделе ближайшего гастронома. Терапевт порекомендовал водку. Три раза в день перед едой, и всё как рукой… Можно даже без еды. И желательно взять больничный.

Водка помогла. Пациент слегка успокоился, боль и бессонница прошли, мрачные мысли исчезли.

Зато осталось кое-что другое. Приятно щекочущее чувство победы. Не бурный восторг олимпийского чемпиона, получившего золото, потому что облажались соперники, но тихая радость грибника, нашедшего первый гриб в сезоне. Или радость продавца, который ухитрился всучить покупателю дефектный товар. Я смог, я победил. Прилив гордости. Захотелось закрепить успех, убедиться, что победа не была случайной, что он, Коля, мастер с большой буквы «М».

А еще, как это ни парадоксально, организм вдруг потребовал новую дозу адреналина. Подобное бывает у начинающих наркоманов. После первого укола – никакого кайфа, наоборот, сплошной дискомфорт и расстройство желудка, но при этом почему-то желаешь повторить. (Блин, как бы ломки не начались!) В офисе же дозу не получишь. Если, конечно, стеклопакеты не объявят запрещенным товаром и не начнут расстреливать за их продажу на месте.

Странно, но до «подсадки» Коля не замечал за собой ничего подобного. Может, он особенный? Или с болезненными отклонениями? Вроде клептомана, ворующего не ради наживы, а ради удовольствия. Скажи ему, что он словит легкий кайф от стукачества, вызвал бы собеседника на дуэль. Хотя, как говорил Гена, здесь не стукачество, а разведка. Разведчик – это почетно, про них кино снимают и сказки пишут. Мата Хари, любимый штандартенфюрер, Вася Векшин, невинно убиенный заточкой. Сядь тогда в камеру, к примеру, тот же Виталик, ни у кого бы и в мыслях не возникло заклеймить его позором. Никто же не тыкал пальцем в Шарапова из «Места встречи…», когда он в банду забурился: мол, подонок – фартовых пацанов застучал!.. Хотя ведь застучал. Нечестным фраером оказался. (И деньги со сберкнижки, которую ему бандюганы открыли, так и не вернул, между прочим!) Но на Шарапове погоны, к тому же сами пацаны не подарки. Значит, он герой, пример для подражания. И Доцента Сан Саныча из тех же «Джентльменов удачи» язык не повернется стукачом назвать.

А я, выходит, разоблачив ангела в двадцати безобразиях, – мальчиш-плохиш! Подонок и стукач! Как же так? Неправильно. Я тоже герой! Пускай и без погон. Рыцарь без стука и упрека!..

Поэтому, когда Виталик позвонил и попросил помочь еще раз, Коля сильно не сопротивлялся. Встретились на улице, возле отдела. На сей раз получать дозу адреналина предстояло не в камере, а на свежем воздухе. Да и работенка оказалась более творческой.

Некий молодой трудящийся подвергся насилию среди бела дня. Шел себе спокойно по улице, любовался архитектурой. Вдруг рядом притормозила малоприметная машина хрен-пойми-какой марки, из нее выскочили три других трудящихся и, приставив к горлу страшный нож, а к груди большой пистолет, проявили интерес к наличности. И как назло рядом не оказалось ни одного случайного свидетеля.

Вроде бы обычная история. Но беда в том, что наличность потерпевшему не принадлежала. Была она собственностью фирмы, где упомянутый гражданин числился курьером. И наличность немалая. Нерадивый жмот-хозяин вместо того, чтобы нанять профессиональных инкассаторов, поручал перевозить черный и серый нал дешевому курьеру. За что и поплатился. Мало того, не стал разбираться сам, как все нормальные бизнесмены, а побежал с заявой не к братве, а в полицию.

Курьер откровенно путался, не мог назвать четких примет господ нападавших, из чего напрашивался дедуктивный вывод – а не помыл ли он, сука, денежки сам, сочинив историю с ограблением и свалив все на невинных, точнее, несуществующих налетчиков?

Но вывод предстояло обосновать. Трудящийся же твердо отстаивал свою версию, с возмущением отвергая подозрения следствия. Мол, не меня колите, а ищите тех злодеев, кто деньги отобрал и глаз мне подбил… Глаз курьера действительно хранил свежие следы воздействия твердого предмета. Но это ни о чем не говорило. Ради таких деньжищ можно и оба глаза подбить. И даже среднее ухо.

«Крышей» или собственной службой безопасности хозяин фирмы по скупости не обзавелся, поэтому очень рассчитывал на помощь властей и даже посулил

приличную премию в случае возврата похищенного.

Доказать, что преступление – плод извращенной фантазии курьера, как раз и предстояло разведчику Николаю. «Познакомишься с ним на лавке в отделе, – напутствовал Бонда «центр», – потом тащи в распивочную, тут неподалеку».

Повод для знакомства тот же, что и в прошлый раз. Меня тоже подозревают. Правда, тему с кирпичным компьютером решили не повторять. Мир, как известно, тесен, нет никаких гарантий, что ангел не повстречается когда-нибудь с курьером.

Но новая легенда не менее красочна. Познакомился в ресторане с одинокой дамочкой, та пригласила домой. Дальше, как обычно, – легкий ужин с шампанским, любовь на тахте, сон, тихое утреннее прощание навсегда. Навсегда, потому что есть молодая супруга, которая сейчас у мамы в деревне. А днем дамочка прибежала в милицию и заявила, что у нее пропали бриллиантовые серьги! И никто, кроме гостя, их стырить якобы не мог.

Гостя вызвали, застращали и велели хорошенько подумать в коридоре. Гость, естественно, ничего не брал и крайне возмущен поведением коварной женщины, затеявшей получить отступные с незадачливого семьянина. Курьеру, в свою очередь, тоже велели хорошенько подумать, посадив на скамеечку под стенд с правилами пожарной безопасности.

Приняв для вдохновения пятьдесят граммов коньку, набодяженного в братской Польше, Ник пошел на дело.

Разговор завязался практически сразу, благо нашлась тема. «Что, мурыжат? И меня. Витя. Вадик. Очень приятно. Менты – козлы. Согласен. А вам нравится Бредбери? Конечно, но Богдан Титомир круче».

Судя по оборотам речи, курьер был простолюдином, и Коля тоже принял аналогичный образ. Он уже чувствовал себя намного уверенней, чем тогда, в камере.

Вновь выбрал псевдоним, причем тот же, что и в прошлый раз. Через полчаса после знакомства обоих развели по кабинетам. «Вадика» колол Виталик. Колол громко, слышно было на весь отдел. Но не расколол. Пришлось выпускать.

Выпустили и курьера Витю. Товарищи по несчастью встретились на пороге отделения. Вадик предложил поднять бокал за счастливое освобождение. Витя не отказался.

Отмечать начали в указанной «центром» местной распивочной антисанитарного вида. Водкой антисанитарного производства. Угощал «семьянин», ибо у курьера Вити вонючие менты отобрали последнюю трудовую копейку. Коля уже привык к новому имени и почти сразу отзывался на Вадика.

Курьер Витя, несмотря на молодость, водку любил и с ходу заглотил граммов двести, мотивируя сильнейшим стрессом. Закусывали сухими бутербродами и делились ужасными подробностями допросов. Как подлые мусора применяли запрещенные методы дознания – электрический табурет, рашпиль для зубов и специальную дубинку, не оставляющую следов.

«Вадик» задрал рубашку и продемонстрировал голую спину. «Видишь, ни одного синяка! Умеют бить, суки!» – «Ну, давай – за беспредел!»

В общем, зародилась крепкая мужская привязанность (в хорошем смысле слова). Витя расслабился, ведь самое страшное позади. Раз сразу не посадили, значит, уже не посадят. «Вадик» подтвердил этот научный тезис и предложил продолжить «отвальную» в более достойном месте. Например, в номерах.

– У меня девчонки есть мировые. Студентки. Умеют все. Только хата нужна. Домой нельзя, жена в любой момент от мамы вернуться может».

– Так гоним ко мне! Предки на даче, а кота в ванную запрем, чтобы не мешал.

– Класс!

Поймали извозчика, прокатились с ветерком до Лиговки, где квартировал курьер Витя. Прежде чем звонить студенткам, «Вадик» указал на пустой стол:

– Надо бы полянку накрыть. Девочки центровые, привыкли к тепличным условиям. Без мартини танцевать не будут.

– А водка?

– Ты еще спирт «Рояль» предложи!

«Вадик» вывернул пустые карманы:

– Я на нулях. Последнее извозчику отдал. Даже на чипсы не хватит.

И здесь, преступно-халатно расслабившись, курьер допустил роковую ошибку. Похоть и алкоголь затмили ему разум:

– Спокойно! Бабки найдем! Момент. Посиди.

Он вышел из комнаты. Разведка не дремала. Крадучись, на цыпочках – следом.

Хозяин заперся в туалете на тридцать одну секунду (засек!). Шума сливаемой воды слух не уловил. Отлично! Теперь бегом обратно в комнату – сидим, ждем.

Курьер вернулся и протянул свеженькую купюру серьезного достоинства:

– Батина заначка. На мартини хватит. Звони студенткам!

– Супер! Звоню. Только отлить бы сначала. Где у тебя белый друг?

– В конце коридора.

На операцию минута, максимум две. Для начала Коля спустил воду, чтобы шум набираемой в бачок воды хоть как-то маскировал звуки его поисков.

Начали, время пошло!.. Внутри белого друга – пусто. Не такой он, кстати, и белый. В бачке тоже ничего любопытного, кроме ржавых деталей и рыжей воды. Так, с унитазом все, переходим к кладовочке. Тихонько открываем. Стиральные порошки, инструмент, ветошь, макулатура, пустые цветочные горшки, банки с соленьями, средства для борьбы с тараканами, лыжи. Никаких денежных средств. А время идет. Хорошо бы взять помощь клуба или дополнительную минуту. Не дадут. Ведущий строг, но справедлив.

Мать вашу, чем же я, менеджер среднего звена, занимаюсь! Вместо того чтобы спокойно продавать стеклопакеты, ковыряюсь в совершенно постороннем сортире! И пытаюсь найти совершенно посторонние деньги. Ладно бы свои…

Хватит отвлекаться на самобичевание! Время не ждет! Не думай о секундах свысока, наступит время, сам поймешь. Адреналин бушует, кровь кипит. Кайф!

Соленья открывать не буду. Ящик с инструментами – пусто. В макулатуре порнушка – некогда! Стиральные порошки? Мимо. «Натюрлих Ариэль».

Сумма лжеукраденного большая. Нужна соответствующая емкость. Пятнадцать секунд, таймер тикает. Операция на грани срыва! Черт, а вдруг здесь действительно батина заначка? И Витек нормальная жертва, а не фальшивая? Неудобно-то как…

Десять секунд. Плюс резерв секунд тридцать. (Проблемы у меня с пищепроводом!)

Вентиляция. Решетка. Эх, высоковато… Но можно забраться на унитаз. Забираемся, держим равновесие. («Где-то далеко, где-то далеко идут грибные дожди…»)

Есть!.. Решетка не привинчена, шурупы вставлены для маскировки. Миссия выполнена, закладка найдена. Осталось красиво уйти. Прыгаем вниз, спускаем воду, уходим.

– Витек, где телефон?

– Вот, на полке.

Телефон дисковый, без повтора последнего набранного номера. Супер!

– Алло! Лёля! Привет! Это я, Вадик… Как дела?.. У меня тоже. Давно не виделись. Соскучилась, наверное?.. Не то слово… Вот, к приятелю заскочил, сидим, кроссворды решаем. Присовокупиться не желаете? Вместе порешать. У нас мартини есть. Нет, не польский, настоящий. Договорились, ждем. Да, подружку обязательно захвати. Помнишь, рыженькую такую. Лена, кажется. Ах,

Маша? Да, память девичья. Пиши адрес. Через полчаса чтобы были. Целую!

Коля положил трубку, незаметно стер отпечатки манжетой. (Никаких улик!)

– Через полчаса примчатся, если не продинамят, конечно. С ними такое бывало. Девчонки мировые, не пожалеешь. Музыку любят. Рвем в лабаз. Где тут мартини торгуют?

– Вон, у кооператоров, в подвале.

Поход занял пятнадцать минут. Еще четверть часа сервировали стол в гостиной.

– Музычка есть нормальная?

– «Армия любовников». Последний альбом.

– Заводи… Ох и натанцуемся!..

Тут раздался дверной звонок.

– Девчонки. Открывай. Твоя рыженькая – не перепутай.

Витя поплевал на ладони, глянул в зеркало, примял жирные волосы, спрыснулся китайской туалетной водой с ароматом ромашки.

…Разумеется, приехали не девочки. А сосед Виталик со своим рыжеволосым напарником. Правда, они тоже уважали мартини. Даже польского производства.

– Еще раз здравствуйте, гражданин потерпевший. Не соскучились?.. О, и вы здесь, гражданин ворюга на доверии! Какая приятная неожиданность! Отдыхаете? Еще ничего не успели украсть?..

– Отдыхаем… Я, пожалуй, пойду. Можно?

– Пока можно. Идите. Олег, проводи гражданина вора.

Вечером выход на связь по секретной линии. Из офиса Коля больше не звонил. Не приведи Господи, кто-нибудь услышит и заподозрит менеджера в шпионаже в пользу полиции. Из будки позвоним.

– Виталик, это я. Удачно?

– Удачно. Подъезжай к девяти в «Слон».

Встретились, назвали пароль, отзыв, взяли по пиву и сели в тень, за дальний столик. От соседа пахло мартини. Он молча положил перед агентом конверт.

– Что это?

– Твоя доля.

– Не понял. Деньги?

– Нет, блин, билеты лотерейные!.. Бери, бери, не стесняйся! Заработал честно.

– Что, нашли? – заглянув в конверт, спросил Коля.

– Нашли. Правда, не в вентиляции, а под кафельной плиткой, на полу. Грамотный тайничок. Но, главное, ты с сортиром угадал. Иначе бы до сих пор ковырялись.

– Его посадят?..

– Курьера? Нет. Формально, конечно, можно, но… Во-первых, хозяин заяву тут же забрал. Деньги – черный нал, ему лишней головной боли не надо. А во-вторых… Деньги не имеют индивидуальных отличительных особенностей. Кроме номеров, если их переписать заранее. Но хозяин не переписал. Сейчас курьер в расколе, но первый же адвокат посоветует ему вспомнить, что это действительно папина заначка на черный день. Папа как любящий родитель подтвердит, и все рухнет. К тому ж обыск мы без санкции провернули. В общем, хозяин ему по башке настучал у меня в кабинете и выгнал на хрен с работы. Но слово сдержал – долю малую заслал. Поэтому бери и не переживай. К свадьбе пригодится.

К свадьбе лишняя копейка действительно бы не помешала. Но.

– Виталь. Я ж не за деньги.

– А за что? За идею? – искренне удивился сосед. – Или для удовольствия? Так идея без материального подкрепления мертва.

– Не знаю. Сам не знаю. Но деньги не возьму. Я не стукач. Не барабан.

Сленговое и обидное слово «барабан» Коля услышал случайно, от рыжего Олега.

Виталий посмотрел на приятеля как охотник, увидавший читающего Библию медведя. С легким удивлением и недоумением:

– Ты чего, сдурел? При чем здесь стукач?

– При том, что есть выгода.

– А в первый раз? Без выгоды, что ли? Сережки-то вернул.

– Там другое.

– Не комплексуй. Тебя попросили – ты помог. Это не выгода, а оплата. Почувствуй разницу. Любой труд требует оплаты. Заработал – получи. Это справедливо. Я вот свою долю взял и не дергался – на одну ментовскую копейку ноги протяну. Ладно бы еще «палку» срубил…

– Это твоя работа.

– Ну и что?! Забей, Коляныч! Мужик сам деньгу дал, я его не напрягал. Бери и не менжуйся. Все по совести. Не за спасибо же ты полдня угрохал. Сколько стеклопакетов мог бы продать.

Коля несколько секунд посмотрел на конверт:

– Давай так. Пусть деньги у тебя полежат. Понадобятся – принесешь.

– Да бога ради. Но учти: на дворе инфляция.

– Учту.

Ночью опять мучила бессонница. В четыре утра Коля пробрался на кухню, достал из холодильника початую бутылку «снотворного» и махнул сто граммов не закусывая.

«А правда, ради чего?» – спросил он себя. Обостренное чувство справедливости? Чепуха. Плевать ему на хозяина денег. Еще наспекулирует. Для чего ж тогда? Для удовольствия, как сказал Виталик? Получается… Где-то он читал, что у каждого мужчины остается детское увлечение игрой в шпионов. У многих – до глубокой старости. Может, у него это особенно ярко выражено?.. Тайная детская страсть не прошла бесследно. Ведь вчера, после внедрения он снова ощутил так называемое чувство глубокого морального удовлетворения. Не кайф, не экстаз, конечно, но что-то похожее. И вновь – гордость. Словно альпинист, покоривший очередную вершину. Мечтал стать шпионом? Стал. Ну или почти шпионом… Что ж, поздравляем и желаем удачи!

В детстве он никогда не ябедничал. Даже когда имел на это полное право. Да и в зрелом возрасте никого не закладывал. И искренне считал и считает стукачество гадостью и низостью. Поэтому и «тридцать сребреников» сегодня не взял. И не возьмет.

Так что же это? Почему его снова неудержимо тянет на «работу»? Может, ему от предков передалась не только тяга к лицедейству? Надо будет покопаться в родословной. Кто в предках был? Не Павлик ли Морозов?..

Или все-таки это болезнь? Или еще круче – мания! Маньяк-внедрилка!.. Мало ли психических отклонений или странных увлечений? Получают ведь люди удовольствие от прыжков с парашютом или от гонок по улицам, хотя казалось бы. А он от этого. Ужас! И к врачу ведь не пойдешь.

А если призвание? Высокая миссия? В ком-то природой заложены способности к рисованию, в ком-то – к пению или игре в шахматы, например. А в нем вот это. Вот ведь угораздило!

Еще сто граммов.

«А классно я этого курьера уделал. Не напрягаясь. Кстати, его же отпустили. Не нарваться бы случайно на улице… Хоть Виталик и заверил, что на меня никаких подозрений, но мысли нехорошие у Вити появиться могут. Девочки ведь так и не приехали».

Коля вернулся в свою комнату, покопался в столе и нашел старенькую общую тетрадь, оставшуюся со студенческих времен. Вырвал пару исписанных страниц. Сел за стол, взял ручку и, чуть подумав, сделал две записи. Завтра надо позвонить Виталику и узнать фамилии грабителя и курьера.

Как говорил вождь мирового пролетариата – во всем нужен учет и контроль. А то начнешь внедряться по второму кругу к одному и тому же. Будет неудобно. Да и в глаз могут дать заточкой.

В том, что он продолжит «работу», Коля уже не сомневался.

И понеслось.

Через неделю он снова сидел в камере, исполняя моноспектакль перед угонщиком недорогих авто. Потом разыгрывал партию с воришкой дамских сумок, «случайно» познакомившись с ним в магазине. В следующий раз потусовался с наркоманом, чтобы вычислить регионального героинового дилера.

Пивная «Розовый слон», встречи с Виталиком – человеком из «центра», новые инструкции. Романтика шпионских будней. Подвиги разведчика. Правда, никакого героического псевдонима Коля себе не брал и секретных шифровок-донесений не писал. На «работе» продолжал представляться Вадиком и потихоньку привыкал ко второму имени. Даже оборачивался, если на улице или в магазине кто-то называл это имя, обращаясь к другому человеку.

Приходилось отпрашиваться из офиса, придумывая липовые предлоги. Пока кошкинский дядюшка не высказывал претензий, но «галочки» в мозгу ставил. И после очередного внедрения одноклассник ненавязчиво показал итоги продаж стеклопакетов за месяц. Продажи падали. Коля заверил, что это нелепая случайность, и поклялся наверстать упущенное.

Внедрения пока ограничивались несколькими часами. Внедрился – получил информацию – отскочил. Залезать глубоко не было нужды. Да Виталик и не поручал. Серьезная разработка – это не Колин уровень, и прикрыть агента качественно он не сможет, тем более что ни в одной ведомственной бумажке помощь соседа не фиксировалась. И если случится прокол или провал… Лучше не думать.

Никаких денег за «работу» агент по-прежнему не брал, хотя «центр» их настойчиво предлагал. Есть, мол, в бюджете соответствующая статья расходов. Правда, придется выполнить кое-какие бумажные формальности.

– Давай буду платить, деньги все равно не из моего кармана! А то мне даже как-то неудобно, что ты дерьмо камерное просто так нюхаешь!

– И сколько заплатишь? – ради любопытства уточнил Коля.

Сосед назвал сумму. Она составляла десятую часть его зарплаты.

– Да-а, государство вас не балует.

– А кого оно балует?

– Виталь, мы ж договорились. Я бесплатно и безо всяких формальностей. Считай, что сумасшедший.

– Побольше бы таких сумасшедших.

На четвертый раз вышла промашка. Коля подсел к опытному уголовнику, подозреваемому в квартирных кражах. Виталий предупредил, чтобы Коля в разговоры не вступал, просто сидел и ждал. По его расчету, уголовник должен был сам обратиться к сокамернику с просьбой передать кое-какую информацию на волю. Но в расчет вкралась ошибка, «квартирник» молчал и ни о чем Колю не просил. И тогда шпион решил поимпровизировать, прикинувшись бывалым человеком. Что ж он, опытный агент с незаконченным высшим образованием, не расколет какого-то малограмотного уркагана?

Уже после второй реплики уголовник ухмыльнулся, сплюнул Коле под ноги и презрительно процедил:

– Слышь, стукачок. Сядь в угол и не мелькай. А в другой раз коньяк перед посадкой не жри.

Коля постучал в дверь камеры и попросил дежурного вывести его в туалет. Назад он, естественно, не вернулся.

– Я предупреждал: не лезь, – негодовал Виталик, выслушав в ближайшей подворотне секретный отчет. – Из тебя урка, как из меня балерина! Хорошо, что так закончилось. А мог и инвалидом сделать. Ногтем в глаз – и сикейрос! Такое уже было. Урке по фигу, ему что так, что эдак максимальный срок корячится, а ты в Кутузова превратишься! Без пенсионного обеспечения!

Ночью опять пришлось применять терапевтические процедуры с использованием проверенного лекарства. Было не столько обидно за провал, сколько за «стукачка». Да, в глазах остальных, даже ментов и того же Виталика, он все равно стукачок. Как ни оправдывайся. Подсадная утка, наседка, «барабан». По сути. Кем бы ни были люди, с которыми ты «работаешь», но они тебе доверяются, иногда совета просят, потому что просто не у кого больше спросить. А ты их. Виталик успокаивает, про мировую практику толкует, про раскрытие преступлений, про благородную цель, но. Он со своей ментовской колокольни смотрит. Икнется мне, ох икнется!..

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На сутки – административный арест на 15 суток.

2

«По сотке» – задержание по подозрению в преступлении на трое суток (по новому кодексу на двое).

3

«Следак» (жарг.) – следователь.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kivinov_andrey/podsadnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить